

ТА САМАЯ ТАТЬЯНА

р о м а н

Анна и Сергей Литвиновы
умеют удивлять! На этот раз
из-под их пера вышло...
детективное продолжение
«Евгения Онегина»!
Приготовьтесь испытать
настоящее эстетическое
наслаждение - такого вы еще
не читали!

Радиостанция «Маяк»

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Анна и Сергей Литвиновы
Та самая Татьяна (сборник)

«ЭКСМО»

2013

Литвиновы А.

Та самая Татьяна (сборник) / А. Литвиновы — «Эксмо», 2013

Блестящая литературная стилизация! Неожиданное продолжение гениального пушкинского романа «Евгений Онегин»! Анна и Сергей Литвиновы провели свое расследование и пришли к совершенно неожиданному выводу: Онегин вовсе не убивал Ленского на дуэли! Одновременно с выстрелом Евгения раздался еще один, от которого и погиб молодой поэт. Но кто стрелял? Выяснить это и взялся Евгений, когда Татьяна все же ответила ему взаимностью... Все, кто гадал и строил предположения, как дальше сложились судьбы героев романа, наконец-то узнают об этом!

© Литвиновы А., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

1. Незримая связь	5
Несколько лет тому назад	18
Наши дни. Таня Садовникова	25
В то же самое время	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Анна и Сергей Литвиновы

Та самая Татьяна

1. Незримая связь

– Куда ты лезешь? Сумасшедшая? Ты себя в зеркале видела? – кричал мужчина.

Девушка растерялась:

– С утра видела. Ну, бледная немного – так горняшка же.

– Какая горняшка?! У тебя уже лицо посинело! Отек легких развивается! Очень быстро!

– Но у меня ничего не болит! Даже голова проишла!

Мужчина требовательно схватил ее за запястье:

– Пульс – больше ста сорока! Температура – под тридцать девять! Тебе немедленно надо вниз! Бегом!

Взглянул ей в глаза, безнадежно добавил:

– Хотя не дойдешь ты уже. А вертолет сюда вызвать невозможно. Если бы хоть кислород был!

– П-по-моему, вы сгущаете кра... – попробовала возразить она. Но договорить не смогла: грудь сотряс очередной приступ кашля, в глазах потемнело.

Дальше – ничего. Пустота.

А когда очнулась, увидела: Кайлас уже прямо перед ней. Неумолимый, черно-белый, опаляющий холодом. Попыталась шевельнуться – тело не слушалось. Хотела позвать проводника – губы пересохли. Скосила глаза на свои часы, они же высотомер, – стрелка застыла на пяти с половиной тысячах.

«А ведь у меня действительно отек легких – отстраненно, без страха и без эмоций, подумала она. – И что-то предпринимать – уже совершенно бессмысленно. Коллапс, кома, остановка сердца – вопрос, наверно, пары часов. Если не меньше».

Печально заканчивалась ее восточная одиссея.

Что ж, те, кто умирает у священных мест, говорят, попадают в рай.

* * *

Противный Колька, одноклассник из детского сада, обожал Юлечку Ларионову изводить. То компот посолит, то помпон от новой шапочки оторвет. «Пожалуйста воспитательнице», – советовала мама. «Давай я с ним поговорю. По-мужски», – предлагал отец. Но дочка всегда решительно отказывалась: «Не надо. Он на самом деле не злой».

А однажды вернулась из садика и потрясенно доложила родителям:

– Представляете? Колька меня на свой день рождения пригласил!

Юлечка праздника и ждала, и боялась одновременно. «Я же там единственной девочкой буду! Мам, а что мне надеть?»

Но маму беспокоило совсем другое: день рождения планировался в детском клубе, там инфекция сплошная, особенно в сыпучном ноябре. А Юлечка, и без того худенькая, хрупкая, в последние дни совсем бледной стала, под глазами синяки. Не помогали ни прогулки, ни мед, ни рыбий жир.

Но лишать дочку праздника мать не решилась. Нарядила в новое платье, заплела косу-колосок, смазала нос оксолинкой и отвезла в детский клуб.

Монстр-Колька в честь дня рождения был смирен, облачен в костюм, и даже рожу (как всегда в саду бывало) при встрече Юле не скорчил. Лишь изрек философски:

– Когда ты с двумя косами, то коза. А когда с одной – единорог.

– А твой язык, Колька, надо зажарить и отдать собакам, – невозмутимо парировала Юлечка. – С днем рожденья!

И протянула огромный конструктор (упросила маму купить «самый большущий», чтоб имениннику точно понравился).

– Вау! – просиял он.

Колина мать смущенно произнесла:

– Ну, куда такой громадный! Не заслужил он... И добавила торопливо:

– Вы не волнуйтесь, Юленьке вашей тут хорошо будет.

И действительно: девочка с удовольствием надела на ручку браслет – пропуск в лабиринт – и уже через минуту увлеченно бомбардировала Кольку мягкими шариками из пневмопушки.

Дочка выглядела такой счастливой! Разрумянилась, глазки заблестели.

Но все равно мама волновалась. И в детский клуб приехала гораздо раньше, чем было назначено.

Колька заметил ее первым. Оторвался от ядовито-кремового торта, сообщил радостно:

– А у вашей Юльки кровь из носа текла!

– Я нос, наверно, случайно ушибла, – виновато произнесла дочка. – Но уже ничего не болит. Только платье новое жалко...

Румянец – пылает, а лоб, нос, подбородок – совершенно бледные.

– Ты не заболела? – Мать взволнованно коснулась губами виска девочки.

Температуры, к счастью, не было, но она все равно с трудом дождалась, когда отгремит в честь именинника фейерверк из конфетти, всем гостям раздадут надувные шарики и можно будет идти домой.

Юля – хотя времени было только восемь – всю дорогу терла глазки и даже мультиков не попросила, пожаловалась: «Я спать хочу».

А наутро, едва встала с постели, покачнулась. Пробормотала удивленно:

– На меня чуть потолок не упал.

Мать подхватила дочь на руки:

– Слушай, ты сама-то не падала? Головой не ударялась на этом дне рождения?

– Ну... один раз только немножко. Когда Колька меня с горки толкнул. Но он не нарочно!

– С высокой горки?!

– Ну, такая... со второго уровня на первый. Да я в шарики упала, они мягкие! Ты не волнуйся!

– Ничего себе! – возмутилась мать.

Выглядела дочка опять – как в последние дни – словно печальное облачко. В лице ни кровинки, глазищи огромные, блестят. Но лоб прохладный.

– Я врача сейчас вызову, – схватилась она за телефон.

– И что ему скажешь? – скептически поинтересовался муж.

– Что у ребенка – головокружение, это ненормально, согласись.

– Но у меня уже ничего не кружится, – запротестовала Юлечка.

И бодрячком побежала в ванную. Мама стояла в дверях, улыбаясь, наблюдала, как старательно Юля выдавливает зубную пасту, аккуратно, до кромки, наливает воду в стакан.

– Рубашка моя чистая где? – отвлек ее муж.

Объяснять, где лежит, бесполезно – проще в руки дать.

Мать вышла из ванной комнаты. А когда вернулась – Юлечка лежала на полу.

– Доча! – бросилась к ней мать.

– Мам, все хорошо, – слабым голосом произнесла девочка. – Я поскользнулась просто.

Да что же за напасть!

– Мы идем в поликлинику. Прямо сейчас, – твердо произнесла мама.
Но женщина-врач, равнодушная и усталая, ее опасений не разделила:
– Простудных явлений нет. Сотрясения мозга – тоже. Переутомился ребенок ваш. Они в шесть лет быстро растут, организм не справляется. Отсюда и головокружения, и бледность. Что ж, доктору виднее.
Мама чуть успокоилась. Юлия еще месяц считалась здоровым ребенком и исправно ходила в садик.
Правда открылась лишь спустя месяц, когда у девочки, наконец, взяли кровь на анализ. И правда оказалась безжалостной: Юлечка Ларионова умирала.

* * *

Многие великие дела начинаются с мелочей. Так и у Татьяны Садовниковой. Завертелось все с того, что она решила: пора ей завести в Интернете собственный блог. У всех есть, а у нее до сих пор нет!

И завела. Писала каждый день о том же, о чем и прочая публика: про погоду, работу, шопинг, поругивала правительство, изредка философствовала.

Садовникова надеялась, что читателей у нее будет несколько сотен как минимум. Но увы – особой популярности ее блог не снискал.

– Ты слишком интеллигентна для того, чтоб стать известной, – насмеялись подруги. – Пиши про любовников, эротические фантазии, ругайся матом – поклонников сразу прибавится.

Однако Таня все же надеялась раскрутить свой блог и без «жареного». Добросовестно просматривала все комменты, искренне радовалась каждому новому *френду*.

Однажды, в ответ на пространный пост о распродажах, прочла:

– *Как считаешь, в чем смысл жизни? Старик Аристотель учил: он в том, чтоб служить другим и делать добро. А ты умрешь – тебя никто и не вспомнит.*

Отвечать анонимному злопыхателю Садовникова не стала. Мало ли на просторах Интернета желающих просто так, без повода, настроение человеку испортить?

Но бывает, что запомнится какая-нибудь глупость и не выгонишь ее из головы никакими силами. Так и с этим комментарием: будто песенка навязчивая прицепилась, запустила цепную реакцию грустных мыслей.

Черт, вздыхала Таня, а ведь прав неизвестный недоброжелатель. Жизнь-то проходит – в путешествиях, вечеринках, работе, шопинге, фитнесе, пустой болтовне!

«А сделала я хотя бы что-то, чтоб, красиво говоря, в людской памяти остаться?» – задала себе вопрос она.

Ну, допустим... многие рекламные ролики, что она придумала, народу запомнились, престижные призы получили. Мужчины – кто любил ее и кого любила она – никогда ее не забудут. И все, все! В остальном она никак не изменила мир, не улучшила его, не оставила о себе доброго следа!

«Эй, Танька! – оборвала саму себя Садовникова. – Да у тебя депрессия, что ли?»

Впрочем, те, кто в депрессии, обычно тоскуют, рыдают и бесцельно себя корят. А Тане, наоборот, вдруг захотелось что-то СДЕЛАТЬ! Пока не поздно еще, ухватить колесо судьбы, развернуть собственное бесцельное бытие в правильном направлении.

Таня была не из тех, кто начинает новую жизнь с понедельника или с Нового года, потому взялась за коррекцию судьбы немедленно.

Рекламное агентство, где она работала, как раз выиграло тендер на продвижение очередного «чудо-крема», и заказ отдали ей.

Садовникова, как всегда, протестировала продукцию на себе, внимательно прочитала аннотацию, отзывы в Интернете и сделала неутешительный вывод: увы, крем в плане омоложения и даже банального увлажнения кожи совершенно бесполезен. К тому же у многих вызывает аллергию.

А от нее требуют, чтоб побуждала доверчивых женщин к покупке. Вбивала в их головы постулаты об уникальности товара. Заверяла, что только мазни личико, сразу станешь самой желанной, потрясающей, любимой. Ох, до чего надоело! Можно, конечно, просто уволиться – только на ее место тут же возьмут кого-нибудь еще.

Но что если... не дурить, как принято, потребителя, а сыграть с ним честно?

И Таня для рекламы крема выбрала путь нетривиальный. Решила: не будет никакого гламура, холеных фотомоделей, ярких тропических красок. Снимать ролики нужно в российской глубинке, героиней взять обычную, не слишком эффектную девушку, и от стандартной идеи (*именно этот крем превратит тебя в принцессу!*) уйти максимально. Даже девиз для рекламной кампании придумала совершенно неожиданный: «Красавиц замуж не берут».

Директор агентства, когда прочитал концепцию, усмехнулся:

– Первейший закон рекламы нарушаешь, милочка. Пипл от тебя красивого ждет, а ты ему критический реализм подсовываешь.

– Да пипл счастлив будет, – парировала она. – Красивым весь телевизор полон. Давно пора сменить пластинку.

Начальник задумался. Наконец, сказал:

– Ладно, Садовникова. Ты звезда. Имеешь право. Уверена в успехе – рискуй.

Но Таня – когда придумывала сценарий и снимала ролик – впервые в жизни не думала ни об успехе, ни о продажах. И о том, чтоб отхватить за свой клип премию, тоже. Конечно, ее обязанность – всучить потребителю как можно больше баночек пресловутого крема. Но сейчас ей очень хотелось совсем другого – донести до тысяч, миллионов обычных женщин простую мысль: жизнь коротка, не стоит тратить отпущенное тебе драгоценное время на то, чтоб обратиться в прекрасную принцессу. Не надо часами грустить перед зеркалом, расходовать силы и деньги на дорогостоящие процедуры. Даже статистику в своем ролике привела: лишь половина тех, кого считают красавицами, замужем. А счастливы из них – от силы десять процентов.

Ролик вышел на экраны и публике понравился. До Тани даже несколько писем дошло – передали с телеканалов: женщины дружно благодарили ее «за правду». Одна бабушка и вовсе спасительницей называла: «Внучка раньше с ребятами встречаться стеснялась, считала, что некрасивая. А теперь рекламу вашу посмотрела – и поклонника себе завела, на дискотеки ходит!»

В письмах, правда, ни слова не было о том, купили ли благодарные потребители пресловутый крем, но Таня все равно была счастлива. Она впервые реально помогла многим людям!

И готова была продолжать делать добро.

...Вскоре после выхода ролика на экраны раскаленным июньским днем Садовникова спешила по Тверскому бульвару. (Машину из-за пробок пришлось бросить на подступах к Садовому кольцу.) Ковылять в деловом костюме, колготках и на каблуках было жарко и неудобно. И вдвойне обидно, что народ кругом разряжен по-пляжному, атмосфера на столичном бульваре будто на курорте. Кто с мороженым на лавочке прохладается, кто с пивом на газоне. Подружки перекидывают мяч, пенсионеры играют в шахматы, малышня босиком бегают по газонам. Таня даже размечталась: послать бы сейчас к богу в рай надоевшую работу, стянуть колготки, купить вредную кока-колу, плюхнуться на траву, и плевать, что дорожный костюм от Ив Сен-Лорана мигом зазеленится.

Впрочем, люди, отдохавшие на бульваре, поглядывали на нее с завистью и, возможно, мечтали оказаться на ее месте. Молодая, красивая, успешная, дорого одетая. Спешит на необременительную – уж точно, не траншеи рыть! – работенку.

Особенно горьким взглядом проводила ее совсем молодая, не старше семнадцати, девчонка. Столько даже не зависти в ее взоре было, но безнадеги, смирения перед собственной грустной долей. Таня мимолетно разглядела девушку: одета простенько, ногти обгрызены, толстушка, далеко не красавица.

«Интересно, видела она мою рекламу про крем?» – задумалась Таня. Впрочем, быстро выбросила случайную прохожую из головы. Не до пустых размышлений сейчас. Нужно на предстоящих переговорах сосредоточиться.

...Тот рабочий день затянулся почти до десяти вечера, и когда Таня возвращалась с работы, повалиться на газоне уже не мечтала. Переговоры с двумя заказчиками и мозговой штурм по новому проекту кого угодно измотают. Поскорей бы вызволить с платной стоянки машину, добраться до спасительной тишины квартиры и плюхнуться в прохладную ванну.

Публика на Тверском к вечеру сменилась. Вместо студентов с конспектами и пенсионеров с газетами – все больше пьяноватые подростки. Но девушка, на которую Таня обратила внимание утром, осталась на той же самой лавочке. Еще более грустная, под глазами залегла синева. Пьет кефир, в руках булочка. И носом хлюпает – то ли простудилась, то ли плачет.

«Она что ж, целый день тут сидела?! – заинтересовалась Татьяна. – Но зачем? Жаль, спросить неудобно».

Уже прошла мимо, как вдруг услышала за спиной робкий голос:

– Извините, пожалуйста.

Остановилась, обернулась. Ободряюще улыбнулась несчастному созданию:

– Да?

Та совсем засмушалась, опустила голову:

– У вас, случайно, не найдется пятидесяти рублей?

Татьяна еле сдержала вздох разочарования.

Попрошаек – особенно молодых, здоровых – Садовникова не переносила на дух. А их сказки, всегда однотипные, про сгоревший дом и деньги на операцию ребенку, ее просто бесили. Неужели эта особа сейчас заведет ту же шарманку?

– И зачем тебе пятьдесят рублей? – усмехнулась Татьяна.

– Нужно кислоту купить. Аскорбиновую, – вздохнула девушка.

Что-то новенькое.

– Зачем тебе?

– Не мне. – Попрошайка погладила себя по животу. – Маленькому.

И только тут Садовникова разглядела: девчонка-то не толстая, как ей сначала показалось, а в положении! Таня не слишком разбиралась в сроках, но живот был уже огромный.

«Купит она себе пива вместо аскорбинки!» – подленько шепнул внутренний голос.

Но Таня все же вытащила кошелек.

Пятидесяти рублей в нем не нашлось. Мелочью, может, и наскребла бы – но Садовниковой вдруг стыдно стало вытряхивать несчастной копейки. И она широким жестом протянула пятисотенную:

– Возьми.

– Ой... – растерялась та. И неожиданно брякнула: – А у меня сдачи нет.

– Не нужно мне сдачи, – поморщилась Таня. – Пойди, вон, черешни себе купи, настоящих каких-нибудь фруктов, а не химической аскорбинки.

– Что ж... спасибо вам огромное, – незнакомка расплылась в недоверчивой улыбке. – Маленькому на приданое пойдет.

– Слушай, – не удержалась Садовникова. – У тебя совсем, что ли, денег нет?

– Нету, – вздохнула та. – С работы сразу выгнали, как про беременность узнали, с квартиры тоже.

– А... парень? Отец ребенка?

– Бросил меня. Да и пошел он! – Девушка недобро блеснула глазами.

Таня вообще не представляла, что бы она сама делала в подобной ситуации – беременная, без жилья, без поддержки. А как другие справляются, прежде не задумывалась. Считала: сами виноваты. Но эту непутевую ей вдруг до того жаль стало!

– Под кустом, что ли, будешь ребенка рожать? – укоризненно произнесла Садовникова.

– Ерунда. Прорвусь, – отмахнулась девушка. – Лето, тепло. А срок подойдет – в больничку сунусь, по «Скорой». Примут, куда денутся. Когда схватки, без полиса можно.

И Татьяне вдруг стыдно стало за собственную, честно заработанную квартиру, высокую зарплату, беспроблемную жизнь. Едва не ляпнула: «А поехали ко мне! Хоть ванну примешь, отдохнешь нормально!»

Но от опрометчивых слов удержалась – рискованно неизвестно кого к себе домой приглашать. Пробормотала:

– Слушай, неужели тебе вообще пойти некуда? Есть же какие-то фонды, организации благотворительные?

– Вот еще, к ним в казарму! В девять ноль-ноль отбой, мозг компостируют, – окрысилась девушка. – Я уж лучше тут, на природе.

– Ну, хорошей тебе тогда ночи, – пожала плечами Таня.

Юркнула в метро, добралась до парковки, где ее дожидалась машинка, красавец-«Инфинити». Откинулась в удобном кресле, включила кондиционер, музыку. Задуматься бы сейчас о приятном – грядущем отпуске, круизе по норвежским фьордам, например. Но никак не выходила у нее из головы несчастная беременная. Может, денег ей дать? Еще, да побольше? Таня не обеднеет. Беда в другом: не умеет такой контингент распоряжаться капиталом. К гадалке не ходи: откладывать девушка не станет, помчится на какой-нибудь дешевый рынок, наберет себе ворох кофточек с люрексом, пару раз шиканет в ресторане – и снова на бульвар, милостыню просить.

Значит, нужно не деньгами помочь – как-нибудь по-другому.

Таня – хотя прежде о благотворительности понятия не имела – план «спасения утопающей» разработала быстро. И назавтра – когда снова увидела свою знакомую на бульваре – подошла к ней сама. Деловито произнесла:

– Я тебе общагу нашла. Удобства на этаже, но комната отдельная. Против ребенка там не возражают. Готова оплатить твоё проживание. Месяца на три. И обеды в столовой, хотя бы раз в день нормально питаться будешь.

Девушка опешила:

– Ой... – Взглянула на Таню чуть не со страхом, добавила: – Зачем это вам?!

– Сама не знаю, – честно призналась Садовникова.

– Вы, может... – беременная окинула ее внимательным взглядом, – моего ребенка купить хотите?

– С ума сошла, – фыркнула Таня. – Зачем он мне нужен?!

– А чего? У меня там, – погладила себя по животу, – мальчик. Здоровенький. Славянин.

– Если понадобится, я себе сама рожу, – заверила Татьяна. Взглянула на часы, поторопила: – Ну, что решаешь?

– Да, да, да!

– Тогда жди меня здесь же вечером. Часов в восемь.

Денег, что потратить придется, Таня вообще не жалела. А вот времени уйдет уйма: общежитие, где согласились принять женщину с ребенком, находилось на другом от ее дома конце Москвы, в Отрадном. Но что поделаешь, если уж взялась за благотворительность!

* * *

Крыша над головой и собственная постель – что может быть лучше?!

Таня рассчитывала, что ее протеже рассыплется в благодарностях, но та свое новое жилище приняла без восторга:

- Душно здесь. Шумно. И гастарбайтеры.
 - Не нравится – возвращайся на бульвар, – пожала плечами Садовникова.
 - Да ладно. Перекантуюсь пока. – Девушка ей будто милость оказывала.
- Кто их поймет, несчастных-бедных!

Татьяна уже изрядно устала от нового своего амплуа матушки Терезы. Сухо попрощалась с беременной – и с удовольствием юркнула в машину, свое убежище. Время близилось к полуночи, город наконец, опустел – гнать бы сейчас под двести, благо двигатель позволяет. Впрочем – раз уж начала остепеняться – будь последовательной. Потому Садовникова *превышала* лишь изредка и ненамного.

В паре километров от общежития, на однополосной улице Бестужевых, у остановки замер автобус. Обезжать нельзя, двойная сплошная. Таня послушно притормозила. Пассажиры вышли, но «Икарус» отъезжать не спешил. Сзади забибикали. Девушка взглянула в зеркало: на хвосте черный джип.

- Обгоняй, если такой умный, – пробормотала она.

Водитель внедорожника бесстрашно унесся по встречке. Вслед за ним последовала убитая «пятерка» – толстомордый водитель не поленился открыть окошко, выкрикнул Татьяне:

- Езжай, овца! Никого нет!

Автобус продолжал стоять с распахнутыми дверями.

«Что я действительно: совсем зашуганная! Ночь, менты все спать легли».

Но только Таня вывернула за сплошную – ей наперерез тут же выпрыгнул гаишник. Его лицо выражало неприкрытую радость.

- Нарушаем? – весело произнес он.

Откуда он взялся? Ага, вот полицейская машина. Хитро замаскирована за газетной палаткой. Все чин чинком: два полицейских, камера на треноге. Похоже, проверенное хлебное место.

Ладно, прорвемся. Еще не родился мужчина, который мог бы устоять перед ее умоляющей улыбкой.

- Простите неразумную, – виновато произнесла Таняшка. – Все поехали, и я поехала.

Обольстительно улыбнулась полицейскому – но тот смотрел сурово. Сухо констатировал:

- Обгон через сплошную.

– Не обгон, а объезд препятствия, – парировала Татьяна. – Вы что, не видите? Я минут десять честно стояла, ждала, а он все не едет. Сломался, наверно.

- Аварийная сигнализация у автобуса включена? – вкрадчиво поинтересовался гаишник.

Ответить Таня не успела – вредный «Икарус» в самый неподходящий момент закрыл наконец двери и отбыл.

– Вот видите, не сломан. Видеозапись нарушения смотреть будем? – деловито спросил полицейский.

И подмигнул своему напарнику.

Но Таня сдаваться не собиралась:

- А почему вы джип не остановили? И «пятерку»? Они раньше меня проехали!

- Документики давайте, – еще более хмуро произнес страж порядка.

– Отпустите меня, пожалуйста! – не теряла надежды Садовникова. – Я ведь никому не помешала, аварийной ситуации не создала. Ночь, машин нет, пешеходов тоже.

– А ПДД – они в любое время суток едины, – назидательно произнес мент.
Вот зараза!

– Сколько? – устало выдохнула Татьяна.

– В патрульную машину пройдемте, – поджал губы гаишник.

И только в ней нацарапал на бумажке: сто тысяч.

– Вы, по-моему, лишний ноль приписали, – покачала головой Садовникова.

– Как угодно. – Полицейский шустро разорвал бумаженцию.

И взялся выписывать протокол.

– Вот, блин, правовое государство! – вырвалось у Тани. – Вы б лучше пробки так ретиво разруливали! Угнанные машины искали!

– Водительское удостоверение я у вас изымаю, – невозмутимо изрек гаишник. – А за повесточкой в суд завтра подъедете. Сюда же, в Северо-Восточный округ.

– Послушайте, но это ведь натуральная ловушка! Подстава! – продолжала бушевать Таня. – И почему вы остановили именно меня? Потому что у джипа номера блатные, а с «пятерки» взять нечего?!

– Что-то вы, девушка, очень агрессивная. Алкогольные напитки сегодня употребляли?

– Я не пью за рулем!

– Сейчас проверим.

Сомневаться не приходилось: алкотестер ей подсунут какой-нибудь левый, хоть десятую долю промилле, да покажет!

«Вот я попала! – пронеслось в голове у Тани. – Может, черт с ним? Заплатить? Наличных у меня нет, но, говорят, гаишники не гнушаются до банкомата подбросить».

Но предложить деньги не успела. Увидела: в спину полицейской машины ударил свет фар. Очередной автобус! А спустя секунду – она просто глазам своим не поверила! – его обогнала та же самая убитая «пятерка». Ошибиться Таня не могла: красная, с мятым крылом, за рулем – все тот же мордатый парень.

Напарник полицейского – он оставался на дороге – принял боевую стойку... и через долю секунды уже бросился к очередной жертве, новенькому белому «Мицубиси», что опасно вырвали из-за автобуса.

– Да у вас тут целый кооператив! – ошарашенно молвила Татьяна. – Я на вас жалобу напишу!

– О чем? – Гаишник взглянул на нее даже жалостливо. – Не мы ведь вас на встречную полосу выезжать заставляли.

– Но эта битая «пятерка», что сзади сигналит, – она явно с вами в доле. Людей провоцирует, а вы ей потом процент от прибыли отстегиваете!

– А дисциплинированный водитель на провокации поддаваться не должен, – усмехнулся полицейский. И вручил ей протокол: – Извольте подписать.

– И не подумайте! Хотя нет, давайте.

В месте, оставленном для объяснений, Таня красочно описала, в чем суть ловушки: ночь, автобусная остановка, битые «Жигули»-провокаатор.

Гаишник прочитал, покачал головой:

– Неразумно себя ведете. Лучше б вину признали и минимальным наказанием отделались.

– А мне что четыре месяца без руля, что шесть, – одинаково плохо, – заверила Татьяна. – И я еще куда следует сообщу, что вы у меня взятку вымогали. – Не моргнув глазом соврала: – Я бумажечку, на которой вы сумму написали, сфотографировать успела.

Полицейский взглянул встревоженно – но, увы, быстро просек, что девушка блефует. Беззлобно буркнул:

– Да хоть ты из себя вывернись – бесполезно. Суды за выезд на встречу решение не глядя выносят.

Вручил ей копию протокола, временное разрешение на вождение – и поспешил на выручку приятелю, который уже обрабатывал перепуганную водительницу белой «Мицубиси».

Таня вернулась в свою машину. Из приемника лился беззаботный Штраус, и она раздраженно выключила музыку.

«Вот я попала! – корила себя Татьяна. – Чего понесло меня в это Отрадное?! Беременной сиротке решила помочь, только подумать. А сама вместо высшей благодарности без прав останусь!!!»

Домой она вернулась только к двум часам ночи. Завтра встать, как обычно, в восемь, но сна – ни в одном глазу. Требовалось срочно выплеснуть эмоции, и Садовникова плюхнулась за компьютер.

Нужно поделиться с читателями блога последними новостями.

Таня, пока строчила, зло и хлестко, пост о подлых ментах, не надеялась на какой-то особенный отклик. Однако комменты, несмотря на поздний час, посыпались градом. Причем не от френдов – от совершенно незнакомых людей. Писали разное. От иронического «Ты блондинка?» до сочувственного «Выпей водки!». Советовали своих адвокатов, подсказывали, где раздобыть фальшивые «права», парочка граждан (вдохновленных Таниной фотографией-аватаркой) предлагала стать ее шоферами.

«Любит у нас народ про чужие беды читать», – усмехнулась Татьяна.

Но на душе от дружного людского сочувствия стало легче.

...Назавтра ей снова пришлось тащиться в Отрадное за повесткой в суд. (Почему бумажку нельзя было выдать сразу – осталось загадкой.) Дорога заняла два часа, зато в полиции Таня провела не больше пяти минут. И решила, раз уж все равно занесла ее нелегкая на столичную окраину, заглянуть в общежитие. Проведать свою подопечную.

Беременная оказалась дома. С чрезвычайно мрачным лицом валялась на кровати, читала глянецовый журнал. Увидела Татьяну – даже не приподнялась, вяло приветствовала:

– Проверять приехала? Не боись, все нормально у меня. Не буяню, не кирую.

И вдруг оживилась, тяжело села на постели, уставилась на Танины босоножки:

– Это у тебя «Прада»? Из новой коллекции?

– Разбираешься в модных тенденциях? – усмехнулась Садовникова.

– Чего остается? – оскалилась девица. – Только завидовать, как другие живут. Слушай, откуда у тебя все? Тачка классная, деньги, шмотки? Любовник богатый?

– Не угадала, – пожала плечами Татьяна. – Я всего лишь много работаю.

Беременная взглянула недоверчиво:

– Брось. Своим горбом на «Праду» не напашешь.

Да что ж это такое! Почему ей еще оправдываться перед нахалкой приходится?!

Но Таня все же объяснила:

– Я окончила университет. Аспирантуру. Знаю два иностранных языка. Работаю в американской фирме. И получаю адекватно своей квалификации.

– Нет, ну везет же некоторым, а? – В голосе девицы звучала неприкрытая зависть.

«Что-то, по-моему, совсем неправильный я выбрала объект для благотворительности», – запоздало раскаялась Садовникова. Но делать нечего. Взялась помогать – терпи.

Татьяна решила сменить тему. Опасливо покосилась на огромный живот своей протеже, спросила:

– Тебе рожать-то когда?

– Да уже побаливает. Сегодня, наверно. Или завтра. Уж не чаю, когда, наконец, избавлюсь. Ох, и напыюсь, когда все закончится! – Девица мечтательно улыбнулась.

– А ты кормить ребенка разве не собираешься? – удивилась Садовникова.

– Вот еще! – возмутилась беременная. – Чтоб грудь отвисла?!

Читать лекцию про иммунитет, что закладывается у ребенка благодаря материнскому молоку, Татьяна не стала. Лишь вздохнула:

– Ладно. Удачи тебе.

– Слушай, – торопливо молвила та, – а у тебя еще тычонки не найдется? Чего-нибудь вкусенького хочется, а в столовке кормежка дрянная.

– Извини, больше ничем помочь не могу, – ответила Садовникова.

И услышала в спину:

– Жадюга!

Вот мерзавка!

Таня еле удержалась от искушения отправиться прямо сейчас к коменданту общежития и потребовать возврата денег, что уплачены за проживание противной девицы.

А вечером вышла в Сеть с очередным *постом*. Назвала его: «К черту благотворительность!» Поведала про свой порыв – помочь несчастной девушке. *Времени кучу потратила, денег. А та еще и недовольна – что я ей общежитие оплатила, а не роскошный отель.*

И снова – на удивление! – получила самый горячий отклик. Целых триста комментариев! Народ давал советы, спорил – и с ней, и между собой, высылал ссылки на сайты тяжело больных детишек, просил о помощи, сочувствовал и насмехался.

Татьяна внимательно прочитала все комментарии. Отправилась, по одной из ссылок, на страничку шестилетней девочки Юли Ларионовой. Рассмотрела фотографию: очень худенькая, огромные глазки, застенчивая улыбка. Прочитала про безнадежный диагноз и варианты лечения. «Только на подбор потенциального донора костного мозга требуется пятнадцать тысяч евро», – сообщали волонтеры. Но честно признавались: шансы, что ребенок выживет даже после трансплантации, – невелики.

Садовникова, чувствуя себя виноватой, закрыла сайт. Ну отправит она Юленьке деньги. А если уже слишком поздно? Или, еще обиднее, средства до ребенка просто не дойдут, осядут на счетах ушлых посредников? Куда легче – да и дешевле – просто оплатить случайно встреченной девице общежитие и питание в столовке.

...Спала этой ночью Садовникова из рук вон. Снилось чужь исключительная. Гаишник (тот самый, противный, что отобрал права) протягивал ей орущего младенца. Таня отказывалась, отталкивала его, но полицейский супил брови: «Извольте получить, заказ оплачен». Потом видение сменилось – ее окружила толпа исключительно некрасивых женщин. Они обступали ее все плотней и плотней, громко скандировали: «Дай нам чудо-крем!» А закончился кошмар седобородым старцем. Тот похож был на Серафима Саровского, но говорил почему-то по-английски, требовал: «Спроси Миларепу!» При чем кто такой Миларепа – Татьяна ни малейшего понятия не имела.

Проснулась совершенно разбитой – и почему-то в твердой уверенности, что череда неприятностей далеко не закончена.

Так и оказалось.

Не успела прийти на работу, ее вызвал шеф. Официально, через секретаршу, – сей факт ничего хорошего не сулил. В кабинете помимо директора агентства присутствовали двое: заказчики рекламы того самого чудо-крема. Выглядели все трое чрезвычайно хмуро.

– Слушаю вас внимательно, – бодро улыбнулась Татьяна.

Мужчины переглянулись.

– Госпожа Садовникова, – вкрадчиво улыбнулся производитель крема, – как вы думаете, насколько изменилась динамика продаж после выхода на экран ваших роликов?

Таня не сомневалась ни секунды:

– Естественно, продажи взлетели. А насколько – это вопрос не ко мне, я не эккаунт, я копирайтер.

– Завидное самомнение, – покачал головой мужчина.

Второй же кремопроизводитель едко добавил:

– Мы тоже полагали, что они взлетят. Хотя бы потому, что оплатили самое дорогостоящее время на центральных каналах. Однако вот, если угодно, график. Полюбуйтесь.

И продемонстрировал на экране ноутбука печальную, как в кардиограмме у покойника, прямую линию.

– Ты проводила предварительное тестирование перед запуском ролика? – хмуро поинтересовался у Тани директор агентства.

– Естественно, – не моргнув глазом соврала Татьяна. – Все в восторге, народу особенно слоган понравился.

– Да-да, я помню. «Красавиц замуж не берут», – зловеще процитировал один из заказчиков. – Мы, к сожалению, тогда поверили вам на слово. И сами проверили эффективность вашего сомнительного девиза только сейчас. Выяснилось: он вызывает исключительно негативные эмоции. Тридцать семь процентов ответов: «Не куплю ни в коем случае». И двадцать девять – «скорее не куплю». И это вы называете удачным слоганом?!

– Я не знаю, что у вас была за выборка, – продолжала защищаться Садовникова, – но женщинам моя реклама реально нравится. Ее вся страна цитирует!

– Вот именно, – злобно кивнул парфюмер. – Цитирует. Но крем при этом не покупает!

– Ты занималась чистым искусством, Таня, – укоризненно вставил свои пять копеек генеральный директор, – но у нас не музей и не театр. Мы должны деньги зарабатывать.

– Ну чего вам стоило, – почти жалобно произнес производитель крема, – написать, что именно наш крем превратит любую женщину в красавицу?! И снять в ролике не прыщавую девочку-подростка, а какую-нибудь фотомоделль?

– Потому что это было уже сто миллионов раз!

– И всегда работало, – тяжело вздохнул второй парфюмер. – А вы нас разорили. Мы будем возврата денег требовать. Хотя бы тех, что ушли на разработку рекламной концепции.

– Ваше право, – не стал возражать Танин начальник. Кивнул на Садовникову: – Мы будем из ее зарплаты вычитать.

Тане кровь ударила в голову. Она запальчиво произнесла:

– А вам не приходило в голову, что дело не в рекламе? Что банально ваш крем просто дерьмо?!

Производители не обиделись, тут же парировали:

– А вам не приходило в голову, что мы за то и платим: чтоб вы из дерьма конфетку делали?!

– Да, Татьяна, – тяжело вздохнул ее непосредственный начальник. – Не доросла ты еще до карт-бланша, до полной свободы. Так что с руководства проектами я тебя снимаю. Будешь рядовым копирайтером. Причем с испытательным сроком. Иди. Приказ я подготовлю.

– Не надо, – отмахнулась она. – Я лучше сама. Заявление об увольнении напишу.

– Препятствовать не стану, – поджал губы шеф.

Вот и благодарность за то, что помогла она миллионам российских женщин почувствовать себя увереннее, красивее, успешнее!

Тем же вечером Таня описала в своем блоге последние события. Горько резюмировала:

Мир, особенно наш, рекламный, полон вранья! Вы думаете, кот, что весело скачет по крышам, ест тот самый корм? Да никогда в жизни, его пичкают исключительно мясом! И никаких живых бактерий в йогуртах нет, просто быть не может – потому что у них срок хранения больше месяца, а бактерия существует только пять дней, а потом погибает. И кремы – те, что дешевле двух тысяч рублей, – вообще не работают или делают женщине только хуже! Но ты, рекламист, обязан из года в год повторять: потребляй, пей, ешь – и будешь идеальной,

успешной, красивой! А тех, кто смеет даже не сказать – просто намекнуть на правду! – вышвыривают, не задумываясь! Как вышвырнули меня!!!

Таня закончила свой крик души, сердито кликнула на «отправить».

Комментариев не дождалась – отвлек звонок в дверь. Кто это может быть – в половине первого ночи?

На цыпочках прокралась в коридор. Снова звонок, мужские голоса. Скрипнула соседская дверь, зажурчал услужливый голос: «Татьяна-то? Дома, дома, где ей быть? Вон, и машина ее во дворе...»

Снова трезвонят, требовательно кричат:

– Откройте, полиция!

– Что случилось? – распахнула она дверь.

В квартиру ввалились двое.

Молчат, сверлят ее неприветливыми взглядами. Наконец первый молвил:

– Мы от Пряхиной.

– От кого?! – искренне опешила Татьяна.

– Пряхина Анастасия Григорьевна, ваша подружка. Беременная. Та, кого вы в общежитие поселили.

– Она Пряхина? Я и не знала, – промямлила Садовникова. – И какие ко мне претензии?

– В каких вы с ней находитесь отношениях?

– Да ни в каких. Просто помогла немного.

– Имея целью получить в качестве благодарности ребенка?

– Чего?!

– Что вы планировали сделать с младенцем? Оформить как собственного? Продать на органы?

Татьяна вспылила:

– Что за чушь вы несете?

– Ты выражения-то подбирай, – нахмурился первый полицейский.

А второй услужливо объяснил:

– Так Пряхина призналась во всем! Что вы сначала у нее ребенка отобрать пытались. А когда она отказалась, вынудили ее сына продать.

– Как продать? – захопала глазами Садовникова.

– Да очень просто. На Комсомольской площади. За триста тысяч рублей.

– Это я ей велела? – совсем уж растерялась Татьяна.

– Пряхина утверждает: деньги ей нужны, чтоб с вами рассчитаться. Вы ей якобы в долг давали. И велели продать ребенка – чтоб расплатиться. С процентами.

– Я, что ли, сумасшедшая? С такой... такой... – Садовникова никак не могла подобрать нужного эпитета, – душой бизнес затевать?!

– Но вы ведь действительно оплатили ей общежитие. Талоны на питание купили. Имелись, значит, у вас определенные планы.

– Да пожалела я ее просто! Благотворительностью, блин, решила заняться!

Полицейские переглянулись.

– Послушайте, я кандидат наук и работаю на серьезной должности, – устало молвила Таня. – Неужели вы правда думаете, что я стану торговать детьми?

– Душа человека – потемки, – глубокомысленно изрек один из полицейских.

– Да бросьте. Я просто в людях не умею разбираться, – грустно вздохнула Татьяна. – Ребенок-то цел?

– В порядке, – хмуро буркнул второй страж. – В инфекционную отвезли, на карантин.

– Давайте, объяснение напишете, – велел первый.

...Отвязалась Таня от полицейских только в третьем часу утра. Устало плюхнулась на диван, грустно вздохнула. Ничего себе, начала она *новую жизнь!*

Несколько лет тому назад

Наталья Васильевна была одной из пациенток, на которой держался весь оздоровительный центр. Побольше бы таких, как она: любопытных, доверчивых, а главное, богатых! Обязательно опробует каждую новую процедуру, массажи, протестирует на себе кремы, сыворотки, скрабы... Девочки с рецепции над пожилой дамой посмеивались, называли ее – между собой – *всеядная бабка*.

Но Влада Симонова, директор оздоровительного центра, относилась к Наталье Васильевне с подчеркнутым уважением. Чувствовались в пожилой женщине неприкаянность, доброе сердце, незащитность. А что денег не считает – радоваться надо. Что смогла бабуля к шестидесяти годам найти (или сохранить) *спонсора*, кто оплачивает все ее излишества.

Влада несколько раз – в знак особого расположения! – приглашала богатую клиентку к себе в кабинет выпить кофе. В отличие от девиц с рецепции (те даже между собой соревновались: кто Наталье Васильевне как можно больше процедур навяжет), никогда даму не «разводила». Наоборот, просила ее соблюдать чувство меры, больше увлекаться здоровым образом жизни, а не ботоксом. Считала своим личным достижением, что отговорила клиентку от липосакции – зато убедила посещать классы йоги.

И гордилась, что – с ее помощью! – женщина в свои шестьдесят два выглядела, от силы, на сорок восемь.

Наталья же Васильевна, в свою очередь, смотрела на Владу восхищенными, преданными глазами. И доченькой называла.

Хотя у дамы и собственные дети имелись.

Впрочем, о них она не распространялась.

Единственный раз, когда Влада похвалила новый «Лексус» Натальи Васильевны, та гордо призналась:

– Сын подарил!

– А чем ваш сын занимается? – заинтересовалась директор оздоровительного центра.

Но клиентка тут же нырнула обратно в свою раковину. Неопределенно улыбнулась:

– Да так... всем понемногу.

А девчонки с рецепции (сколько Влада ни боролась, обожали перемалывать косточки посетительницам) тут же сочинили легенду: будто Наталья Васильевна замужем за крутым мафиози, а их отпрыск, молодой дон, постепенно прибирает власть над кланом в собственные руки.

Влада, когда случайно это услышала, лишь улыбнулась глупости администраторш: надо же настолько плохо разбираться в людской породе! Хотя, даже если вдруг это правда, не все ли равно – из какой семьи богатая клиентка?! Лишь бы продолжала исправно посещать клинику. Платить за многочисленные процедуры.

...Но однажды Влада столкнулась с Натальей Васильевной в холле и увидела: лицо у женщины сегодня выглядело совсем старым, и глаза хотя тщательно накрашены, но заплаканы. Директор встревожилась: горе постоянного клиента уже не чужое – почти свое. И тут же пригласила ее в свой кабинет.

Та слабо улыбнулась:

– У меня биоревитализация через пять минут.

– Я скажу Олечке, она вас подождет, – отмахнулась Влада.

А когда уселись рядышком в мягких креслах, прочувствованно спросила:

– Скажите, пожалуйста, я могу вам чем-то помочь?

Конечно, ничего у нее клиентка не попросит. Ну да главное – сочувствие проявить.

Однако Наталья Васильевна неуверенно произнесла:

– Даже не знаю, имеет ли смысл... Впрочем... – И огорошила: – Как вы считаете, алкоголизм излечим?

Влада не раздумывала ни секунды:

– Естественно.

– Вы уверены? – В голосе Натальи Васильевны звякнула горькая нотка. – А если человеку нравится пить? Если он не считает себя больным, и запой для него – просто некая форма проведения досуга?!

– Я не нарколог, но уверена: проблема решаема, – стояла на своем Влада. – Вопрос в методе.

– Видите ли, – безнадежно вздохнула Наталья Васильевна, – беда в том, что этот человек... очень близкий мне... не считает себя больным. И категорически отказывается лечиться.

– До какой степени все серьезно? – осторожно спросила директор клиники. – Человек потерял работу, бродяжничает, ворует на выпивку деньги?

– О господи, нет, конечно! – испуганно отозвалась клиентка. – Он абсолютно включен в социум... пока. Пока нам удастся хранить в тайне его безобразные запои.

– Простите, Наталья Васильевна, – мягко молвила Влада, – я могу узнать, о ком идет речь?

– О моем сыне, – опустила голову та. И неуверенно добавила: – Я никак не могу его убедить хотя бы даже посетить врача по профилю. А сомнительные методы, – она иронично улыбнулась, – все эти заговоры, порошки, что подмешивают в чай, шаманство над фотографией – конечно, никак не помогли... Вы не могли бы мне что-нибудь посоветовать?

– Единственный выход: убедить вашего сына, что он болен. Заставить его обратиться к доктору. А хорошего специалиста я вам, безусловно, найду, – заверила Влада.

– Бесполезно. Он не согласится, – покачала головой Наталья Васильевна. И с надеждой добавила: – Владочка, деточка, может быть, вы мне поможете?

– Но каким образом? Я ведь не нарколог! И даже – если честно! – давно уже не врач, всего лишь администратор!

– Зато вы, – убежденно молвила Наталья Васильевна, – умеете влиять на людей! Я-то уж знаю, каких усилий вам стоило превратить меня, отчаявшуюся старуху, в элегантную даму. Придумали ведь, как заставить следить за собой, знали, на каких струнах сыграть. Может, и для Гришеньки моего выход найдете?

– Но делать женщин красивыми и есть моя работа! – растерялась Влада. – А в каком ключе я на вашего сына могу повлиять?

– Ну, допустим, я загоню его к вам в клинику. Уговорю сходить на массаж, у него спина часто болит. А вы...

– Наташенька Васильевна, вряд ли это поможет, – мягко произнесла Влада. – Где массаж спины – и где алкоголизм?

Но собеседница не сдавалась:

– Влада, вы же такая умница! Ни в каких ситуациях не теряетесь! Пожалуйста, придумайте что-нибудь!

«Да у нее истерика просто», – опасливо подумала директор клиники.

Но и отказать клиентке никак нельзя.

– Хорошо, – твердо произнесла Влада. – Запишите вашего сына на прием. Только, конечно, не к массажисту. Допустим... к сомнологу. У него ведь, конечно, – как у многих из нас! – есть проблемы со сном?

– Да, да, безусловно! – просияла клиентка. – Когда Гриша работает, он вообще сам заснуть не может, только со снотворным! Он хотя бы ради того, чтоб рецепт получить, согласится прийти!

«Еще и лекарственная зависимость», – мелькнуло у Влады.

Но вслух она произнесла:

– Вот и придумали. Пусть приходит. Консультация сомнолога в любом случае не мешает. А я обещаю, что лично поговорю с вашим сыном. Попробую оценить, насколько далеко зашла болезнь. И чем ему можно помочь.

* * *

Будь она *настоящим врачом* — просто послала бы настырную пациентку, может быть, даже в грубой форме. Но Влада, к сожалению, давно забросила медицину практическую. Теперь, увы, она всего лишь администратор. И чтобы продолжать успешно руководить дорогой клиникой, против воли клиента идти никак нельзя.

«Кто другой так мирно все уладит! Там моську вовремя погладит, Тут впору карточку вотрет...» – вспомнилась бессмертная цитата. Ну что ей делать с маменькиным сыночком Гришенькой? Не читать же ему лекцию на тему, что пить – нехорошо? Влада еще помнила основной постулат преподаваемого в вузе курса наркологии: увещевать алкоголика совершенно бессмысленно. Тем более – постороннему человеку.

Придумала Наталья Васильевна – наверное, от отчаянья – очевидную глупость. Но *угождать* ей придется все равно.

...Когда девочки с рецепции доложили, что явился пациент Монин, Влада, лучась улыбкой, поспешила в приемную. И в недоумении замерла: ждала увидеть человека с тяжелым взглядом, помятого, рано постаревшего – но ей навстречу выступил очень молодой, румяный, прекрасно подстриженный, элегантно одетый парень. Не смущаясь сгоравших от любопытства секретарш, он уверенно приблизился, поцеловал ей руку, трогательно вскинул правую бровь:

– Вы и есть та самая Влада-волшебница? Очень, очень рад познакомиться!

А Влада поймала себя на престранной мысли. Что ее рука легла в ладонь парня, будто в гнездо. Теплое, крепкое, надежное.

Она и раньше не знала, о чем ей с необычным пациентом говорить, а сейчас совсем в отчаянье пришла. Потому что парень оказался ей совершенно здоровым, да к тому же очень, просто чрезвычайно красивым. Беспечные синие глаза, точеный нос, пухлые губы – как, наверно, хорошо было бы с ним... Все, Влада, успокойся.

– Пойдемте в мой кабинет, – как могла, сухо пригласила она.

А едва Монин уселся в кресло, выпалила:

– Хотите честно? Я не знаю, зачем вы пришли.

– Как зачем? – широко улыбнулся Гриша. – Перед мамулей прогнуться, конечно! – И заговорщицки подмигнул: – Она ж у меня, хотя девочка взрослая, ведет себя иногда, как ребенок! Вбила себе в голову, что в клинике вашей чудеса творят, ну и решила заодно и меня переродить. Мертвой водичкой сбрызнули, потом живой – и – оп-па! – гражданин Монин разом теряет интерес к хорошему вину и на всех вечеринках интеллигентно цедит минералку!

Влада озадаченно слушала. Пыталась, вороша давние знания, отследить тревожность, истерические нотки в голосе, какую-нибудь трихитилломанию или иное навязчивое движение. Но парень выглядел уверенным в себе, расслабленным, умиротворенным. И пахло от него вовсе не спиртным, а хорошей туалетной водой.

А тот продолжал болтать:

– Вы, наверно, от меня сейчас сакраментального ждете: «Нет, я не пью! Я не алкоголик!» А вот не буду врать. Пью. Как все. По пятницам, а иногда – кошмар! – даже по субботам...

Внимательно взглянул ей в глаза, вздохнул:

– Влада, милая, глупости это. На то и мама, чтобы краски сгущать. Хотя правду она тоже сказала. О вас. В кои веки полностью согласен с моей старушкой – вы абсолютно неподража-

емы. У вас такое серьезное лицо всегда или только когда вы беретесь алкоголизм лечить? Да, кстати. Говорят, у вас очень вкусный кофе...

А когда Влада поставила перед ним чашечку, серьезно произнес:

– Дайте мне ваш электронный адрес. И завтра – не позже двенадцати! – обязательно проверьте почту.

* * *

Влада в свои тридцать три замужем ни разу не была. И даже не влюблялась так, чтобы в омут. Не до того: учеба, работа. А главное – ей просто не встречались парни *без червоточинки*, с кем хотелось бы рука об руку и куда угодно.

Но Гриша очаровал ее с первого своего иссиня обжигающего, наивного, веселого взгляда. С первого письма, что пришло, как он и обещал, по электронке. Текста в нем не было – только фотография. На ней она сама (карточку сын Натальи Васильевны позаимствовал с сайта клиники). И роза в ее руках. Картинка оказалась динамической. Сначала цветок выглядел, как слабенький бутон, потом лепестки медленно развернулись, растение потянулось вверх, к солнцу. И рассыпались фейерверком разноцветные буквы: «Мы завтра вечером идем... ВМЕСТЕ ПИТЬ МИНЕРАЛКУ!»

«Что ж, – усмехнулась про себя Влада. – Я пойду. Будем считать, что я продолжаю выполнять поручение Натальи Васильевны».

В ресторане она заказала себе бокал вина. Вопросительно посмотрела на Гришу.

– Нет, Владушка, я с тобой пить не рискну, – усмехнулся он. – Тебе ж еще перед моей мамой отчитываться!

И весь вечер, как обещал, прихлебывал газированную воду. Влада пыталась перехватить завистливый, страждущий взгляд в сторону ее бокала, но Монин смотрел на пурпурное сухое совершенно равнодушно.

Однако веселился – и безо всякого спиртного. Сыпал анекдотами, рассказывал, с шутками-прибаутками, о своей работе – Гриша оказался дизайнером, довольно известным.

Лишь раз его живое, улыбочное лицо стало полностью серьезным, когда он произнес:

– Влада, я хочу тебе спасибо сказать. За маму. Она ж в какой-то момент совсем на себя рукой махнула: я, мол, старуха, жизнь позади. А начала в вашу клинику ходить – заинтересовалась. Мы-то с отцом только рады, что она занятие себе нашла, и денег ее забавы оплачивать нам хватает. Но, признаться, боялись – явится после ваших процедур однажды, как зомби: лицо совершенно гладкое, но неживое. Но вы ее как-то хитро омолодили. Вроде и есть морщинки, но такие естественные, милые, даже украшают ее! Я – как дизайнер – понимаю, насколько это сложно.

– Спасибо, – благодарно улыбнулась Влада.

Ей было легко с шепотным, энергичным, ярким, веселым парнем. И все ж точила мыслишка: ну не могла же Наталья Васильевна панику на совершенно пустом месте поднять! Есть у него, наверно, проблемы с алкоголем – только скрывает умело.

Однако, когда они встретились через пару дней, тоже не произошло ничего настораживающего. На этот раз Гриша даже с ней выпил – один, как и девушка, джин с тоником. Влада боялась: вдруг он мгновенно опьянеет? Или тут же закажет второй бокал? Но нет – цедил, точно в ритм с нею, маленькими глотками. А когда пошли после ресторана прогуляться, Влада задала провокационный вопрос: «Вечер хороший. Может, еще пивка на лавочке?»

Но парень перчатку не поднял, расхохотался:

– Понижать градус? Да на улице? И это мне предлагает директор оздоровительного центра?!

Посерьезнел, добавил:

– Владушка, брось. Мой якобы алкоголизм здесь вообще ни при чем. Мамуля просто свою дипломатию развела. Я не пристроен, от тебя она – в восторге. Знакомить нас у нее бы не получилось, мы с тобой люди взрослые, самостоятельные, свататься бы отказались. Только и оставалось придумать проблему и попросить, чтоб ты ее решила. У вас же, девчонок, в крови – всех спасти!.. Вот ты и клюнула!

– Ну, возможно, – задумчиво произнесла Влада.

Хотя про себя подумала: будь у нее самой сын, никогда бы не стала, чтоб с девушкой познакомиться, придумывать для него болезнь, к тому же не слишком благородную. Потому продолжала допускать, что Гриша – все-таки алкоголик, пусть и не в последней, когда под забором валяются, стадии.

Однако уже и жить вместе стали (Наталья Васильевна была нескрываяемо счастлива), а он никаких поводов для беспокойства не давал.

Срыв случился через пару месяцев, когда Влада уже совершенно расслабилась.

Гриша получил большой заказ и напряженно работал. Владе не очень нравился его график: сидеть за компьютером ночами, днем отсыпаться. Но когда попыталась перевоспитать, любимый вздохнул:

– Муза, Владушка, дама капризная. Днем – отсутствует напрочь. Но я не против. Пусть когда угодно приходит – лишь бы являлась!

И подстегивал вдохновение литрами кофе, огромным количеством энергетических напитков.

Но когда спихнет, наконец, заказ, обещал ей, что йогой займется и что гулять они вместе будут каждый вечер.

Однажды утром разбудил ее поцелуем:

– Все, милая. Закончил. Жди вечером праздника!

Однако вернулась она после работы в пустую квартиру. Побегал за цветами? В магазин за деликатесами? Но Гриша явился лишь к полуночи. Вдребезги пьяный.

Устраивать скандал Влада не стала. Помогла раздеться, уложила на диван. Утром, естественно, ждала покаяния, извинений. Но Гриша лишь хитро улыбнулся:

– Словами вину не загладишь.

Быстро оделся, выбежал из квартиры... и пришел спустя три часа. С тремя помятыми гвоздичками – и пьяный даже больше, чем вчера. Пробормотал виновато:

– Не обижайся, Владка. Что-то нашло на меня... Заказ этот – всю душу вымотал. Надо восстановиться.

И снова плюхнулся спать.

М-да. На полный контроль над алкоголем – как Гриша хвастался – это было совсем непохоже. Но и страшного пока ничего нет, успокаивала себя Влада, что поделаешь, человек творческий. Нужен ему, наверно, после огромного умственного напряжения подобный примитивный релакс.

Увы, растянулся «релакс» на целую неделю. Причем с каждым днем хмель у Григория становился все тяжелее, и компании ему не требовалось: сидел в одиночестве над бутылкой, отрешенный, мрачный...

Влада совсем затревожилась, готова уже была вызвать нарколога, вытрезвлять на дому.

Но на восьмой день Гриша вскочил ни свет ни заря и бросился не в магазин за водкой, а к кофеварке. Влада накинула халатик, последовала за ним.

– Ты такой крепкий не пьешь, – виновато пробормотал Григорий. – Я тебе сейчас нормальный сварю.

И лицо его – впервые за кошмарную неделю – осветила прежняя солнечная улыбка.

Поцеловал ее, пробормотал благодарно:

– Спасибо тебе.

– За что? – холодно поинтересовалась она.

– Что мозг не выносила. Что бутылки не прятала, – усмехнулся он.

– Я все-таки врач, – пожалала плечами девушка. – Понимаю, что бесполезно. Но сейчас...

– Да понял я, все понял, – перебил Гриша. – Нельзя так. Опасно, вредно, некрасиво и тэдэ. Давай выбирай – ты ж у нас специалист: чего делать будем? Кодироваться? В анонимные алкоголики вступать?

– Гришенька, – тихо произнесла Влада, – у тебя такое часто бывает?

– Ну... – задумался он. – В год несколько раз.

– А говорил – мама все придумывает! – упрекнула она.

– Так ты понимаешь, – досадливо отозвался Григорий, – я скоро в себя окончательно приду и снова буду считать: на пустом месте маман панику разводит. Мне ведь стыдно только сейчас, когда похмелье. Голова трещит, весь мир в черном цвете. Но дотяну до вечера – и опять все лучезарно! Я огурчик, здоров, полон сил! Ты же видела: я могу и совершенно нормально пить, как все. Бокал вина на аперитив, рюмочку коньяка – на дижестив. Но иногда – сама видишь! – тормоза отказывают.

– Значит, будем чинить твои тормоза, – решительно молвила Влада. – Пока ты с горы не сорвался. На крутом повороте.

И в тот же день записала Гришу на прием к хорошему наркологу.

Надо было бы отправиться с ним вместе, но закрутилась на работе, да и любимый возмутился:

– Что я, ребенок, за ручку меня к доктору водить?!

– Ладно, Гриша, я на тебя надеюсь.

...Но надеялась зря. На прием к врачу любимый не пошел:

– Клянусь, Владушка. Я уже все решил. Ради тебя я бросаю. И справлюсь сам. Не веришь – испытательный срок мне установи.

Она поверила. Но через месяц история повторилась.

Здесь уж пришлось проявить твердость, затащить Гришу к наркологу. Тот назначил лечение... но любимый снова умудрился уйти в запой. В этот раз, видно, из-за препаратов, что должны были вызвать отвращение к спиртному, загул проходил совсем некрасиво. Гриша скандалил, бил посуду, его тошнило, но он упрямо продолжал поглощать рюмку за рюмкой.

Влада по-прежнему любила его. Но на третий день беспробудного пьянства, когда рано утром Гришаня умчался за добавкой, вызвала слесаря. И сменила в квартире замки. Жить с алкоголиком – пусть даже вне запоев тот замечательный человек! – она не станет.

К двери прилепила записку: «Езжай к маме. Твои вещи я тебе привезу, когда протрезвешь».

День на работе прошел тоскливо. И если до обеда она была уверена: поступила правильно! – то к вечеру ее охватило раскаянье. Вместо того чтоб помочь, выгнала беспомощного человека, и все! А ведь Гришина мама на нее надеялась...

Впору самой, от безысходности, выпить немного. Пару рюмочек, чтобы нервное напряжение сбросить.

Но когда вернулась домой (в пакете прятался коньяк – подношение благодарного пациента), на пороге ее встретил... Гриша! Снова пьяный, губы в глупой ухмылке.

Увидел ее, заулыбался:

– Солнце ты мое!

И, будто заправская ищейка, сунул нос в пакет, радостно схватился за коньяк:

– То, что мне нужно!

– Ты как сюда попал? – нахмурилась Влада.

– Через дверь, летать я не умею! – Он уже открывал прямо в коридоре бутылку – руки некрасиво тряслись.

– Но я же...

Отхлебнул из горлышка, расплылся в блаженной улыбке:

– Нектар. – И Подмигнул: – А замки больше не меняй. Со мной это бесполезно. Один из моих многочисленных талантов – могу открыть любой. Даже без отмычки. Неоценимый я у тебя человек! – хмыкнул. – Из дизайнеров выгонят, пойду взломщиком. Тоже доход. Очень приличный.

И целоваться лезет, что за мерзость!

Влада оттолкнула Григория, убежала к себе в комнату. Закрыла дверь на задвижку, крикнула:

– Только посмей тронуть!

Он, по счастью, штурмовать ее покои не стал.

А когда девушка решилась, уже к полуночи, выйти в туалет, увидела: Гриша спит в грязных ботинках на белом мехе дивана...

И самое главное: даже сейчас вовсе не *противно* ей было на него смотреть. Жалость, любовь, беспомощность ее переполняли. Но совсем не презренье.

...А потом снова наступило похмелье. Покаяние. Врач. Очередные, уже более сильные, препараты. Полный запрет на спиртное в доме.

Гришина мама неприкрыто страдала и умоляла Владу:

– Деточка, ну пожалуйста! Уже не прошу исцелить его! Просто не оставляй его! Ну есть же люди, кто всю жизнь понемногу пьет.

Ничего себе понемногу!

Иллюзий Влада не питала: если она хочет жить с *любимым*, а не с жалкой, опустившейся личностью, нужно срочно принимать меры. Но какие?

В клинику Григорий ложиться отказывался категорически. Он продолжал считать: алкоголь – тот, кто пьет ежедневно. «А у меня, Владушка, не запои – а что-то вроде творческого отпуска! В наших кругах это вообще норма: поработал, напряг мозги – расслабился».

Хотя нарколог – Влада явилась к нему на беседу – был неумолим:

– Он сопьется окончательно. Вопрос года, не больше.

– Но сделайте же, черт возьми, тогда что-нибудь! – сорвалась она.

Врач лишь руками развел:

– Вы коллега, должны понимать. Даже в травматологии, в хирургии: больной, прежде всего, должен хотеть поправиться сам. Если этого нет, медицина бессильна. Мой вам совет: бросьте его. Только свою жизнь вместе с ним поломаете.

Но Влада продолжала любить Гришу – прежнего. Искрометно веселого, заботливого, ласкового. Стояла над постелью, смотрела, как мечется любимый в тяжелом алкогольном сне, и вспоминала их светлые дни. Когда вместе сидели у телевизора, выбирали новые занавески, он учил ее играть в компьютерные игры, пел ей под гитару. Внимательно выслушивая ее указания, делал ей массаж... Когда перевез однажды в ее квартиру любимые свои безделушки – от школьного еще плюшевого медведя до сувениров из зарубежных поездок, и они расставляли их, вперемешку с Владиными, в серванте. Как смеялись, что потерявший мишка составил прекрасную пару ее старенькой, времен детского сада, кукле! А потом Гриша серьезно сказал:

– Все, милая. Раз наши игрушки сидят рядом, значит, и мы с тобой вместе – навсегда!

И ей тоже так этого хотелось!

А чтобы спасти любимого, Влада была готова на все.

Наши дни. Таня Садовникова

Любимейший читатель Таниного блога выступал под ником *Толстяк*, а в реале – приходился ей отчимом.

Полковник Ходасевич, пусть любил поворчать, что виртуальный мир подменяет реальную жизнь, сам в Интернете бродил частенько. Записи падчерицы читал исправно, а иногда даже на них откликался. Как сейчас, лапидарно: «*утка с гречневой кашей*».

Конечно же, Таня ответила: «*Приеду!*»

И уже через час входила в скудно, по-холостяцки обставленную квартиру. Впрочем, запахи здесь витали – лучшим ресторанам такие не снились.

– Утка фермерская, с утра еще крякала, – гордо оповестил Валерий Петрович, – начал черносливом, на гарнир гречка, пышненькая, как ты любишь.

И у Тани (хотя, пока ехала, уверена была, что после всех переживаний даже кусочка не проглотит) сразу слюнки потекли.

А когда набила живот до отказа (аргументов про диеты Ходасевич не принимал, и если она не доедала, всегда обижался), уже и события последних дней стали казаться всего лишь обидными – но вовсе не роковыми.

Тем более, полковник под кофеек вынес резюме:

– Подумаешь, уволили! Зато можно в отпуск съездить – не на неделю, а насколько захочешь.

– Да съездить-то можно, – уныло вздохнула Татьяна, – а чего дальше?

– А дальше – все решится само, – убежденно молвил Валерий Петрович. – Ты ж все равно собиралась отдохнуть. Кстати, где?

– На фьордах норвежских, – скривилась она.

Еще недавно столь долгожданный отпуск сейчас казался ей совершенно пустым, ненужным.

– Фьорды? Да, там мило, – кивнул полковник.

– Был?

– Ты же знаешь, я много где был, – улыбнулся экс-разведчик.

Вытащить из него *детали* удавалось редко, но сегодня полковник вдруг разговорился. Задумчиво молвил:

– Фьорды – что, заурядная достопримечательность, я их и не запомнил почти. А знаешь, какое путешествие из меня душу вынуло? В Тибет. Давно это было, в 1985 году. Китайцы тогда его только-только для иностранцев открыли.

– И что там хорошего?

– С точки зрения *нормального отпуска* — ничего, – пожал плечами полковник. – Бедность, пыль, еда скудная, удобств никаких. Буддисты вообще совершенно равнодушны к комфорту. Знаешь, как их учитель, Миларепа, говорил? «Ваши мирские дома – обман, простые темницы для демонов».

– Миларепа? – Таня оживилась. – Вот удивительно! Он мне снился недавно. Точнее, не он – а какой-то старец. Велел: «Спроси Миларепу». А я даже не знаю, кто это такой!

– Интереснейшая личность. Жил в одиннадцатом веке. В юности владел черной магией, по многочисленным свидетельствам очевидцев, мог разрушать дома или насылать град, губить урожай. В дальнейшем – раскаялся, достиг просветления. Помогал людям.

– В чем?

– Карму свою изменить.

– Валерочка, ты так серьезно об этом говоришь, – усмехнулась Татьяна.

– А что такого? – не растерялся полковник. – Плохая карма, по-русски, и есть «полоса невезения». Как у тебя. Нужно же ее как-то переломить.

– И ты предлагаешь... – задумчиво произнесла она.

– Не езжай на фьорды, – улыбнулся полковник, – успеешь еще стандартными красотами налюбоваться. Я бы на твоём месте – будь я молод, полон сил, не ограничен во времени и средствах – лучше бы в Тибет съездил.

– Да что я там делать буду? – всплеснула руками она.

– Как? – усмехнулся полковник. – То, что во сне велели. Спросишь Миларепу, что тебе дальше делать. Дух его, говорят, до сих пор в Тибете пребывает.

* * *

Общественный душ в Дарчене стоил тридцать юаней за помывку. Таня сторговалась за двадцать пять. Не для того чтобы сэкономить – просто из принципа. Слишком уж хитрыми были лица у хозяев-тибетцев. И слишком грязным – их заведение. Садовникова мимолетно вспомнила роскошную ванну (почти бассейн!) на яхте своего давнего возлюбленного, шейха Ансара¹, и усмехнулась: причудливы извивы судьбы! Но вот удивительно: там, в неге, в комфорте, под теплыми струями минеральной воды (ее специально в огромных бочках доставляли) ничуть не счастливей она была, чем здесь, когда из ржавого душа бежит тоненькая струйка, а потолок окрашен зловещей темно-зеленой плесенью. Все равно вышла после помывки розовенькая, умиротворенная, довольная. Неудобно, конечно, с собой пакет с шампунями и грязной одеждой волоочь. Зато – существенный плюс! – укладывать волосы и краситься не надо. Максимальное единение с природой и абсолютно никаких условностей. Можно прямо с полотенцем на голове отправиться через дорогу в ресторан. Никто не удивится и не осудит.

...Танины собратья по путешествию на Кайлас – а в группе было больше двадцати человек – питаться предпочитали в заведениях исключительно тибетских. Им нравилась аутентичность, сладкий чай с молоком «яка» и пельмени «мо-мо». Садовникова – единственная! – ходила обедать к китайцам. Пусть те своей цивилизацией «дают культуру древнего народа», зато сервис нормальный: в ресторанах жарят в угоду европейцам блины, яичницу, готовят картошку-фри. Свободно говорят по-английски. И главное – работают в разы быстрее и охотней, чем тибетцы, медлительные хозяева гор.

– Зря ты, Татьяна, китайской экспансии Тибета способствуешь, – укорял ее (непонятно, в шутку или всерьез) Павел, руководитель группы.

– Да ну ваших горцев! – усмехалась в ответ она. – Только бедненьких яков жарят, а мне их жаль. Лучше поем китайской лапши.

Сейчас Таня тоже в «национальное» заведение, где обедала вся их группа, не пошла. Отправилась в РЕСТОРАН – именно так, по-русски. Шустрые китайцы использовали все средства, дабы привлечь клиентов.

Тут ее уже знали. Низкорослый хозяин радостно закивал головой, его супруга бросилась к Тане с пиалой зеленого (приветственного) чая. И даже их сын-младенец (Садовникова звала его Васей, потому что официальное имя, то ли ... цзен, то ли ... цзы, запомнить было решительно невозможно) заулыбался.

Таня вручила ребенку конфетку и устроилась за столиком у окна. Задумалась: до чего удивительное существо человек! На краю света, в убогом кабачке, голову высушить негде – даже будь у нее фен, электричества все равно нет, – а она почти счастлива! Что героически выдержала все лишения, что побывала в неизведанных, диких местах. Московские неприятности тоже подретушировались, забылись. Подумаешь, работу потеряла! Может, оно и к луч-

¹ См. об этом: Анна и Сергей Литвиновы, «Вояж с морским дьяволом».

шему? Сбережения кое-какие имеются – хватит, чтоб, допустим, отправиться колесить по миру дальше. В Африку, в Мексику. Или вообще в кругосветку. А потом – путеводитель написать. Уж куда интереснее, чем гнуть спину в рекламе!

...Путешествие в Тибет, правда, осталось незавершенным. Гвоздь программы – выход непосредственно к горе Кайлас, к ее южному склону, не состоялся, и вся их группа дружно переживала. Но что поделаешь: Китай – страна специфическая. Здесь постоянно без объяснений и на неопределенный срок закрывают для туристов целые города, области, районы. А тут даже причина есть. Накануне к южной стене (или, как здесь говорят, «лицу») Кайласа отправились паломники, пятеро индусов. И трое из них по пути погибли. Тибетцы толковали их смерть по-разному: кто говорил, за грехи наказание. Кто, наоборот, утверждал: это счастье и честь – умереть в святом месте. Но здравый смысл подсказывал: ни при чем здесь сверхъестественное, просто сердце у людей не выдержало – высота ведь под шесть тысяч, кислорода мало. Или поморозились индусы – на утепленные куртки и трекинговые ботинки паломники не тратились, шли чуть ли не в шлепках, а в горах – снег и ветер пронизывающий.

Естественно, осторожные китайцы немедленно наложили вето на злосчастный маршрут. Руководитель группы с кем-то встречался, многим звонил, но вскоре заявил: бесполезно, путь закрыт наглухо.

Таня вместе со всеми тоже расстроилась, когда выяснилось, что рукой загадочной горы им не коснуться. Впрочем, рыдать и патетически восклицать, что поездка не удалась (как некоторые), она не стала. Подумаешь! Если уж очень захочется, можно еще раз в Тибет съездить.

...И сейчас, выспавшаяся, умытая, отдохнувшая, она с удовольствием пила китайское пиво с претенциозным названием «Эверест» (теперь, когда восхождение позади, можно) и предвкушала возвращение в цивилизованную Москву и уютную квартиру – с мягкой постелью, горячей водой, посудомоечной машиной!

Китайский официант – неслыханная предупредительность! – принес ей из соседнего магазинчика пакетик чипсов на закуску. Таня вскрыла вздувшуюся (обычное дело на высоте свыше четырех километров) упаковку. С удовольствием разгрызла вредный продукт. Чем еще хорош Тибет: о диетах здесь можно даже не думать. Худеешь от лишений да горной болезни. Даже статистика есть: за шесть недель в горах теряешь минимум пятнадцать килограммов. (Совсем заманчиво, но так долго Таня бы здесь не выдержала.)

Китайский младенец по прозвищу Вася тоже потянулся за чипсиной.

Татьяна вопросительно взглянула на мамашу-китайку.

– Скажи: «Please», – строго велела та крохе-сыну.

С ума сойти, разрешает – хотя ребенку от силы годик!

Как все просто у них! А в России Тане – человеку взрослому! – до сих пор приходилось есть чипсы, «страшно канцерогенную вещь», по секрету от мамы.

...Занавеска с изображением знака «ОМ» – игравшая в ресторане роль двери – распахнулась. Вошли двое. Лиц (Таня сидела против солнца) не разглядеть, но первый – явно такой же, как она, походник. Непромокаемая куртка, тяжелые ботинки и – главный отличительный признак европейца – ксивничек для документов на груди. А второй из местных, в нелепой тибетской одежде. Аборигены обожают наряжаться, словно новогодние елки: пестрые куртки, ковбойские шляпы, яркие ленточки, вплетенные в волосы.

«Два мира – два образа жизни», – усмехнулась про себя Таня.

Отвернулась к окну и вдруг услышала быстрый шепот по-русски:

– Ты меня не знаешь!!!

Ба, как она сразу не разглядела! Мужчина европейского вида ей прекрасно знаком. Это же Славик из их группы! Садовникова прозвала его гореманом. В том смысле, что горы любил – преданно, исступленно, фанатично. Воскликнул: «Лучше женщин они, лучше любого СПА-

курорта!», и звучала эта реплика, на Танин взгляд, фальшиво. Тем более что за ней – *женщиной хорошенькой* — он ходил хвостом. Постоянно норовил обнять, чмокнуть в щечку.

А сейчас вдруг – отворачивается. Что у него за тайная встреча?

Впрочем, ей не жаль. Садовникова притворилась, будто полностью поглощена пивом, но на странную парочку украдкой поглядывала. Двое мужчин устроились в противоположном углу ресторана. Славик на своем слабеньком английском что-то горячо излагал, тибетец снисходительно кивал в ответ. И вдруг фанатик-альпинист победоносно выкрикнул: «Йес!» Бросился к столику, где сидела Татьяна, торопливо произнес:

– Ты не поверишь, но я его уломал!

– На что? – удивилась Садовникова.

– Сейчас все узнаешь. Переходи к нам. Только, умоляю, не спорь, соглашайся, что бы он ни говорил!..

Таня, заинтригованная, последовала за заполошным туристом.

Тибетец окинул ее внимательным взглядом, велел:

– Give me a hand.

Интересно, он ей руку пожмет или поцелует?

Но нет. Абориген зачем-то сжал ее запястье в сухих и крепких ладонях, через пару секунд отпустил, кивнул:

– Пульс нормальный, температуры нет. Годишься.

– Вау, Танька! Я тебя поздравляю! – возликовал Слава.

– Вы оба можете мне объяснить, что происходит? – сухо поинтересовалась она.

– Ты что, не понимаешь? Цирин тебя берет!

– Куда? – продолжала недоумевать она.

– Он подведет нас завтра к Кайласу! К его южному лицу! В обход всех кордонов! – горячо произнес сотоварищ. – И всего за пятьсот баксов!

– Опять в гору лезть?! – ахнула девушка.

– Таня! Да любой – любая! – из нашей группы прыгал бы от счастья! Это же фантастическая возможность!

– Вот и зови их, пусть прыгают. А я уже отдыхать настроилась.

– Ты что, Танюха, не понимаешь?! – возмутился Слава. – У подножия Кайласа ведь самая суть! Концентрация всех энергий! Абсолютно святые места!!! Как можно быть в Тибете – и не повидать гробницу Нанди? Камень Миларепы?! Откуда он медитировал?!

– Я уже видеть все эти ваши камни не могу, – поморщилась она.

– Та-аня, ну как ты можешь так говорить?! – трагически провозгласил товарищ.

Тибетский подданный наблюдал за их спором с легкой усмешкой.

– Сейчас он разозлится! Вообще откажется! – мрачно предрек Славик. – И все из-за тебя.

Таня очаровательно улыбнулась, молвила по-английски:

– Спасибо вам, Цирин, за оказанное доверие, но я очень устала, пока мы обходили Кайлас, и больше никуда не хочу.

– Обывательница! Трусиха! – пригвоздил одноклассник.

Тибетец же проницательно взглянул на нее и на хорошем английском произнес:

– Твои слова тебе в уста вкладывает дьявол, не Бог. Не поддавайся его чарам. Миларепа уже звал тебя к себе – в твоем сне. А он не повторяет приглашений дважды.

– Что?! – выдохнула Таня.

– Мне достаточно было лишь взглянуть на тебя, – усмехнулся тибетец, – чтобы понять: ты из всей группы единственная, кому действительно *надо* побывать у южного лица Кайласа. Впрочем, дело твое. Хочешь упустить свое счастье – оставайся в Дарчене.

Встал из-за стола, добавил:

– Завтра. В пять утра. У реки. Надеюсь, что придете вы оба.

И на прощание лукаво улыбнулся.

* * *

Конечно, Татьяна пошла. И вовсе не из-за красивых слов: *увидеть истинную соль, просветлиться*. Не по ее это части. Двигали ею мотивы, куда более примитивные.

Во-первых, очень заинтересовали Садовникову слова загадочного тибетца: будто Миларепа ждет.

Ведь пока – хотя она мужественно пережила холод, неизбежные на высоте головные боли, ночевки в убогих домишках, обошла вместе с группой Кайлас – ох, и трудно было карабкаться на перевал Долма-Ла, на высоту почти шесть километров! – никакой *подсказки* высшие силы ей не послали.

Может, хотя бы у подножия горы, закрытого для потока туристов, ей нечто удивительное откроется? Повстречается она с духом пресловутого Миларепы, тот явится ей в образе тибетского монаха и безо всяких умствований даст простые и ясные указания – что нужно сделать, чтоб жизнь повернула к лучшему?

А заодно Татьяне (не зря же мама постоянно пеняла ей за вредный характер) хотелось товарищей из своей группы устать. Они-то все к южному лицу Кайласа как раз рвались. И вообще были просветленные, правильные. Садовникову вечно укоряли, что она ни единой мантры не знает, а безымянную речку, возле которой медитировал великий гуру Гампопа, непочтительно переименовала в *Гампопку*.

Но тех Кайлас не пустил, а ее – зовет. Вот и пусть обзавидуются!

...Слава, «подельник», настоял на самых тщательных мерах конспирации. Жили-то не в гостинице, откуда можно уходить, куда и когда хочешь, и никому дела нет. В Дарчене туристическая группа размещалась в гестхаусе (в переводе на русский это общага в ее худшем варианте), по пять человек в комнате. Если в пять утра без объяснения причин встанешь, соберешь рюкзак и в неизвестном направлении отправишься – народ неизбежно насторожится. Поэтому со Славой договорились: они будут притворяться, что в туалет вышли. А вещи соберут с вечера и оставят в ресторанчике у китайцев. Заодно Таня попросила подать им завтрак. Неспешные тибетцы редко вставали раньше восьми утра, а китайцы подняться затемно и открыть всего-то для двоих посетителей свое заведение согласились охотно.

И слово сдержали: встретили их ароматом кофе и блинчиков.

Даже младенец Вася проснулся – с удовольствием принял у Тани очередную конфетку.

«Сидеть бы тут целый день!» – вздохнула про себя Татьяна.

Но Слава уже торопил: пора!

Садовникова не выспалась, зябко ежилась под прохладным утренним ветром. Спутник ее, наоборот, выглядел счастливым, собранным, бодрым. Когда двинулись в горы, все пытался обогнать проводника, пока тот не прикрикнул:

– Эй, парень! Здесь полно бездомных собак. Меня они знают, а тебя нет. Растерзают.

– Да ну! – снисходительно молвил Слава.

Но от их маленького коллектива больше не отрывался.

Дорогу – пусть пыльную, но хотя бы утоптанную – Цирин проигнорировал, объяснил:

– Опасно. Ее китайцы просматривают.

Повел их через поля: кочки, лепешки, что оставили яки, ямы. Кайлас из туманной дымки подступал все ближе. И Татьяна – уж на что скептик – явственно чувствовала исходящую от горы *энергию*. Словно тянулись к ней огромные руки-сканеры, а всевидящее око прожигало насквозь. И ноги сами собою двигались все медленней, а поглядывала на святую вершину она с откровенной опаской.

Цирин перехватил ее испуганный взгляд, усмехнулся:

– Боишься?

– Да как-то не по себе, – честно призналась Садовникова.

– И правильно, что боишься. Например, у нас в поселке вор завелся, – обстоятельно начал Цирин, – тоже однажды пошел в грехах своих у святого места покаяться.

– И что? – обратился в слух Славик.

– Не дошел, – пожал плечами Цирин. – Как раз примерно здесь упал и умер.

Слава побледнел, Таня ахнула. Проводник же невозмутимо закончил:

– Здесь, в Тибете, есть поверье: кто умирает у Кайласа, тот это заслужил. И если туристические группы сигнал СОС шлют, помощь высылать не спешат. Считается: нельзя препятствовать божьей воле. А я, – окинул их насмешливым взглядом, – если что, подмогу тем более звать не стану. Вас все равно не спасут, а у меня будут неприятности, что туристов в запретную зону повел.

Дальше двигались в молчании. Дышать становилось все труднее – тропа резко поднималась в гору. Трава, подле Дарчена зеленая и пышная, постепенно сменялась скудными желто-коричневыми клочками, от Кайласа веяло холодом, ветер усиливался.

Таня, чтоб отвлечься от мрачных мыслей и собственной слабости, постоянно шарила взглядом под ногами.

– Змей боишься? – усмехнулся проводник.

– Нет, – простодушно улыбнулась она. – Смотрю: вдруг бриллиантик какой валяется? Здесь же места волшебные.

– Таня, волшебство Кайласа – совсем в другом! – страдальчески произнес Слава.

Однако Цирин упрекать ее не стал. Кивнул:

– Ищи. Бриллиант не обещаю, но горный хрусталь может встретиться. Тебе пригодится, – хитро подмигнул: – Древний врач Апу Талип утверждал, что те женщины, кто носит на шее талисман из горного хрусталя, производят на свет красивых и здоровых детей.

– Для меня это пока не актуально, – отмахнулась Садовникова.

– Но будет еще лучше, – мерно, в такт шагам, продолжал проводник, – если найдешь ты камень самый обычный, но с отпечатком стопы Будды. Вот он действительно принесет в твою жизнь истинный свет.

– А есть какие-нибудь камни, что не свет какой-то там приносят, а банальную удачу? – спросила Татьяна. – Успех, деньги?

– Ты считаешь, счастье – в деньгах? – зорко взглянул на нее Цирин.

– Я не так выразилась, – вздохнула она. – Но просто мне в последнее время ужасно не везет. Во всем. С работой, с личной жизнью. Даже когда хочу кому-то что-то хорошее сделать, доброе – получается полная ерунда.

– Не там ищешь, Таня. Себя – внутри! – меняй, – снисходительно встрял Слава. – А никакой *камень* изменить твою жизнь не сможет.

– Не согласен, – покачал головой Цирин. Окинул Татьяну внимательным взглядом и посоветовал: – Высматривай не драгоценный – просто *белый*. Обязательно белый. Символ жизни, материнское молоко и семья, начало начал. Тебе пригодится.

Славик глянул скептически, но больше спорить не стал. И что удивительно: Таня продолжала внимательно смотреть под ноги, а то и с тропинки сбегала, если ей казалось: в стороне что-то блеснуло. Ее спутник на подобные глупости силы не тратил. Но ей – хотя дорога становилась все круче – идти было все легче и легче. Слава же, наоборот, стал задыхаться. Часто останавливался. Вдруг на ровном месте споткнулся, упал. Пробормотал растерянно:

– Похоже, *не принимает* меня Кайлас...

– Слушай, Славик, – решила отвлечь его Татьяна, – вот объясни. Я – признаюсь честно – сдуру в Тибет бросилась. Погорячилась. Понадеялась: гору обойду, и все мои проблемы сами решатся. Но ты зачем сюда пошел? В чем заключается суть вашего пресловутого просветления?

– Ты все равно не поймешь, – слабо улыбнулся парень.

– А ты объясни так, чтоб я поняла! – усмехнулась она.

– Считай лучше, что я пошел силы свои проверить. И чтоб внукам потом было что рассказывать – не про пляжи египетские, а про настоящие приключения.

Цирин неожиданно ухмыльнулся, пропищал тоненьким голосом:

– Где мой дедушка? А дедушка твой, внучок, в горах погиб. Когда пытался Кайлас штурмовать.

– Очень смешно, – с каменным лицом отозвался Слава.

Больше он не произнес ни слова – но задыхаться стал меньше и зашагал уверенней.

– Молодец, Цирин, – усмехнулась Татьяна, – отлично в людях разбираешься. Знаешь, кому и что сказать надо.

Впрочем, тут разговор и увял. Последние метров сто они ползли, еле дыша, не до болтовни стало.

И вдруг подъем разом кончился.

Таня со Славой, потрясенные, замерли. Прямо перед ними, слепя глаза белейшим снегом, сверкал Кайлас. К горе, по форме удивительно напоминавшей пирамиду, примыкала еще одна горушка, поменьше, похожая на прямоугольник, складчатая, будто кожа огромного носорога.

– Гробница Нанди, – показал на нее Цирин. – Внутри – поляя, это научно доказано. Что в ней находится, ученым неизвестно, но здесь, в Тибете, не сомневаются: там в состоянии самадхи все великие учителя человечества. И Шива, и Будда, и Лао Цзы. И ваш Иисус.

– Мы пришли? – с надеждой вымолвила Таня.

– Да. Можно помедитировать здесь, – кивнул проводник. – Но я предлагаю спуститься ниже, прямо к подножию Кайласа. Посмотреть камень Миларепы, – подмигнул он Татьяне: – И маленькие камешки поискать.

– Конечно, пойдете дальше! – вскричал Слава. – Тем более не в гору – а с горы!

– Ну... давайте, – неохотно согласилась Татьяна.

Хотя чувствовала себя чрезвычайно неуютно. Кайлас ее подавлял, и пейзаж окружающий, при всем его величии, казался депрессивным. Черные, белые, ржаво-желтые краски. Огромные камни, разбросанные по склонам. Серый гравий, и себя ощущаешь мельчайшей, ничтожнейшей песчинкой.

...Еще час изматывающей ходьбы – хотя двигались вроде бы вниз, каждые пять минут приходилось останавливаться, отдышаться – и вот, наконец, подножие великой горы. И знаменитый камень, откуда проповедовал Миларепа.

Таня опасливо приблизилась к нему. Невысокий, плоский, похож на трибуну – ничего, в общем, особенного. Она вспомнила свой давний, еще московский сон – седобородого старца, что явился к ней в ночных грезах. Его слова: «Спроси Миларепу». Ну вот. Она здесь. И о чем спрашивать?

Садовникова обошла камень со всех сторон. Рассмотрела украшавшие его молитвенные флажки. Сердце молчало.

К ней приблизился Цирин. Подсказал:

– Ни о чем не думай. Просто смотри по сторонам. Ищи знак. Если там, наверху, – он уважительно обернулся на вершину Кайласа, – считают, что ты заслуживаешь, тебе его подадут.

«Достала меня уже ваша мистика-эзотерика!» – едва не вырвалось у нее.

Но богохульствовать Татьяна не решилась. Покорно склонила голову. И вдруг увидела у самых своих ног что-то ослепительно белое. Быстро присела на корточки, подняла... нереально!

То оказалась маленькая, изящная – легко уместилась в ладони – молочно-белого цвета птица. Сильное тело, острые крылья... Чайка!

Таня инстинктивно сжала находку в ладони, и камень (хотя только что лежал на снегу) обжег ей руку, будто огнем.

Но скрыть что-то от Цирина оказалось невозможно.

Проводник посмотрел на ее судорожно сжатый кулак и уважительно произнес:

– Белый нефрит. Императорский камень. Не каждому такое дают.

– Но...

Цирин легко разжал ее пальцы, бережно, будто великой драгоценности, коснулся чайки.

Пробормотал:

– Священный цвет, цвет белого лотоса. Камень спокойствия. Из него обычно делают что-то незыблемое. Императорский жезл. Фигуру Будды. Но тебе дали птицу. Чайку. Она обязательно изменит твою жизнь.

Склонил голову:

– Я не ошибся в тебе, девочка. Твой путь действительно велик.

А Тане вдруг показалось: крылья у птицы затрепетали. Она поспешно накрыла чайку рукой.

– Не бойся, – снисходительно улыбнулся Цирин. – Белая птица теперь уже никуда от тебя не улетит. – И мрачно добавил: – Если ты, конечно, сама ее не отпустишь.

* * *

Таня всегда считала продуктовый магазинчик в своем дворе жуткой дырой. Будто от социализма остался: овощи сморщенные, продавщицы хмурые, и колбасу фасуют не в пакеты, а в оберточную бумагу. Но сейчас – в сравнении с тибетскими торговыми точками – тот продуктовый по соседству с домом райским местечком показался. С ума сойти, яркий (электрический!) свет. Яблоки, бананы. Сыр четырех видов – там, в горах, еда недосыгаемая, он по ночам ей снился. Родной черненький хлеб, что за чудо в сравнении с пресными клейкими лепешками! Да еще – пока Таня отсутствовала – в углу терминал поставили, очень удобно, хоть за телефон плати, хоть за квартиру. А рядом – другой, ядовито-зеленого цвета, прежде невиданный автомат.

Садовникова заинтересовалась, подошла рассмотреть. «Электронные лотереи на любой вкус! – мерцала завлекалка на мониторе. – Выигрыш оплачиваем на месте!» Ну просто все блага цивилизации!

– Играет кто-нибудь? – спросила она продавщицу.

– Играют, – поджала губы та, – узбеки.

– И как?

– Обдуриловка, – отмахнулась женщина. – Ну, взял Рахим, дворник наш, вчера пятьсот рублей. Доволен был, будто миллион получил. Но просадил-то за месяц три тыщи минимум. Вам чего взвесить?

Таня, хотя вышла только за хлебом, конечно, не удержалась. Набрала огромный пакет «европейской еды»: плавленые сырки, йогурт, копченую курицу, печенье, маринованных огурчиков в банке. А со сдачей – полтинником – подошла к игровому автомату.

– Делать вам нечего, – усмехнулась продавщица. – Деньги на ветер.

Садовникова быстро пролистала меню и остановилась на лотерейке под названием «Взломщик» – на картинке неприятного вида мужик подбирал код к сейфу. За три единички сулили десять рублей, за семерки – целых триста.

Магазинная тетя высунулась из-за прилавка, взглянула на экран, завершила:

– В нее вообще не выигрывают.

Но Таня упрямо скормила автомату полтинник – на пять игр по десять рублей каждая. Нажала на «играть»... Ну конечно же, мимо. И еще раз, и еще.

– Ну, давай, железяка! – азартно выкрикнула Садовникова и слегка пнула прибор носком туфельки.

– Вы как школьница, ей-богу, – по-матерински снисходительно вздохнула женщина за стойкой.

Цифры протанцевали в пятый раз, их бег замедлился... опять, конечно, пусто... Но неожиданно агрегат издал победительный звук, и на экране высветилось: «ПОЗДРАВЛЯЕМ! СУПЕРПРИЗ! 9000 рублей!»

– Вот тебе, дурацкий ящик! – возликовала Татьяна. – Вау!

– Ничего себе, – пораженно ахнула продавщица. – Девять тысяч рублей?! У меня в кассе и денег столько нет!

– Не страшно. Я могу зайти завтра, – усмехнулась Садовникова.

– Да ладно. Уж наскребу, – трагическим тоном молвила женщина. И добавила с завистью: – А вы везучая. Установщики говорили, автомат этот крупный выигрыш один раз на миллион выдает!

– Тогда ваш долг – предупреждать народ, чтоб больше в него не играли, – весело отозвалась Таня. И протянула продавщице тысячную купюру: – Вот, возьмите. Выпейте за мою победу.

– Да что вы, я здесь при чем? – засмушалась та.

Но деньги охотно сунула в карман.

Татьяна же твердо решила: судьбу, что – немедленно по возвращении из Тибета! – благосклонно ей улыбнулась, обязательно задобрить. И потратить выигрыш не на косметолога или седьмые по счету босоножки, а на дело – обязательно доброе.

Придя домой, она взяла в руки нефритовую чайку – та теперь занимала почетное место в серванте. Ласково обратилась к фигурке:

– Что скажешь, Птица Удачи? Правильно я решила? Пустим нежданный доход на доброе дело?

Фигурка безмолствовала, но Таня продолжила свою речь:

– Скажи, свет-зеркальце! Тьфу, то есть свет-чайка! Кому мы с тобой можем помочь? Кому – действительно надо?!

Однако камень лишь приятно охлаждал руки, но решительно никаких подсказок не давал.

Садовникова пожала плечами, вернула птичку на место, уселась за компьютер и вошла в почту.

Первое же письмо в ящике шло под заголовком: «Читать всем!»

Очень походило на спам, и обычно подобные послания Таня сразу же удаляла. Но сейчас решила: вдруг *знак* именно здесь? Нетерпеливо кликнула по иконке «открыть».

Первое, что увидела: фотографию маленькой девочки. Личико ее, печальное, бледное, казалось смутно знакомым. Да ведь это же... Юленька Ларионова! Апластическая анемия, тяжелая форма, срочно нужны деньги на подбор неродственного донора!

Татьяна еще до Кайласа заглядывала на ее сайт. Посочувствовала чужому горю – но никак не помогла.

А сейчас волонтер писал: «У нашей Юлечки, больной апластической анемией, возникла очередная серьезная проблема. Обычно подбор неродственного донора костного мозга обходится в пятнадцать тысяч евро, и эти деньги для девочки были собраны. Но база данных потенциальных доноров охватывает весь мир, и выяснилось, что единственный человек, чей костный мозг полностью подходит нашей пациентке, проживает в Японии. Он, как и многие неравнодушные люди, согласен помочь бесплатно, но возникли дополнительные расходы – пребывание донора в японской клинике обойдется существенно дороже, чем в европейской, плюс возрастают затраты на перелет. Ситуация тупиковая: дата трансплантации уже назна-

цена, но на транспортировку костного мозга требуется еще десять тысяч евро, которых у семьи Ларионовых нет. Всех неравнодушных умоляем помочь, звоните в любое время!»

Таня немедленно набрала номер.

– Спасибо, но проблему уже решили. Деньги собрали, врачу-курьеру билет до Токио на завтра купили! – радостно отозвалась женщина-волонтер. – Правда, не хватает двухсот пятидесяти евро, но их родители Юлечки сегодня обещали подвезти, они ей на подарок к дню рождения откладывали.

– Пусть и покупают подарок – как собирались. А деньги я вам сейчас же переведу, – заверила Татьяна.

Она даже не удивилась: что нужная сумма точно совпадает с ее случайным выигрышем в автомате.

А пока записывала номер счета, в голову пришла еще одна мысль.

– Вы сказали, у девочки день рождения? Когда?

– Завтра.

– Можно мне тоже приехать ее поздравить?

– Конечно, – мягко произнесла волонтер, – Юленька будет рада. Ее ведь только родители навещают.

* * *

В игрушках для девочек Татьяна не разбиралась. Кукла? Банально. Крошечный набор кухонной мебели или посуды? Вообще скучища. Докторский саквояжик? Говорящая книга? Пазл на тысячу элементов?

В конце концов Садовникова купила для Юленьки динозавра с добрыми глазами. Выглядел зверь простецки, зато внутри его имелась навороченная компьютерная начинка. Существо умело ходить, улыбаться, толстеть-худеть и даже, будто кот, мурлыкать.

Скорее мальчишеский получился презент, но Таня разбавила его дорогушим набором гипоаллергенной детской косметики. Все, как у взрослых: тени, тушь, помада.

И отправилась в больницу.

К Юленьке ее пропустили легко. Впрочем, войти к девочке в *палату* Тане не удалось. Для посетителей здесь имелся «предбанник» с жестким стулом и раковиной, а сама пациентка оказалась отгорожена от внешнего мира стеклянными стенами. Общаться с ней разрешалось лишь по переговорному устройству, и имелось еще небольшое, будто в тюрьме, окошечко – еду передавать.

– Мы тут все в таких колбах живем. Чтобы никакие микробы не проникли, – серьезно объяснил ребенок. – Даже маму пускают только раз в день на десять минут. И одевают, как космонавта: перчатки, маска...

– А как же мне тебе подарок вручить? – растерялась Таня.

– Ты покажи сначала, что принесла, – печально улыбнулась Юля. – Нам сюда почти ничего нельзя.

Садовникова извлекла динозаврика.

– Ой! – просияла девочка. – Какой классный! А что он умеет?

Таня поднесла игрушку к переговорному устройству.

– Привет, Юля, – механическим голосом поздоровался зверь (речь его Садовникова запрограммировала заранее). – Я теперь буду твоим другом. И сделаю все, чтобы ты поправилась как можно быстрее.

– Здорово! – Лицо ребенка осветилось слабой улыбкой – впрочем, она быстро померкла. Девочка тревожно произнесла: – А он не пушистый? Тогда мне точно не отдадут! Про мягкие игрушки даже не заикайся!

– Что ты! Динозавры не бывают пушистыми, – заверила Таня. И виновато добавила: – Я тебе еще косметику детскую купила, но ты ею потом попользуешься. Когда поправишься и выберешься, – она подмигнула девочке, – из своей консервной банки.

– Когда это еще будет, – вздохнула Юля. – Да и вряд ли я отсюда выберусь.

– Глупости говоришь, – решительно вымолвила Татьяна.

И поразились, насколько взрослым вдруг стало у шестилетнего ребенка лицо. Юленька деловито объяснила:

– Врачи говорят, что у меня очень тяжелый случай. Родители сначала хотели мне братика или сестренку родить, потому что тогда бы у нас костные мозги были одинаковые. Но врачи сказали: аист летит слишком долго, и мне нужно прямо сейчас новый мозг по всему миру искать. А если у чужого человека его берешь, то не всегда везет. Как с людьми. Кому-то ты нравишься, кому-то нет. А если я этому чужому мозгу не понравлюсь, то он оттор... ну, типа отвалится. И тогда все. Зря, получается, старались.

– А ты будь сильной, Юля, – тихо произнесла Татьяна. – Возьми да просто прикажи мозгу, чтоб обязательно прижился!

– Да, – вздохнула девочка, – белая чайка мне то же самое говорит.

– Кто-кто? – опешила Садовникова.

– Она во сне ко мне прилетает, – объяснила Юлечка. – Большая белая птица, очень добрая, но иногда ругается. За то, что я капризничаю или плачу. Но я все равно ее очень люблю, и если поправлюсь, обязательно поеду к ней на высокую гору.

– А почему на гору? Чайки вроде на море живут? – удивилась Татьяна.

– Ну как ты не понимаешь! Над морем летают обычные птицы. А моя – особенная, она выше всех на земле живет. На той самой горе, где Бог.

– Разве Бог – на горе? – осторожно произнесла Садовникова.

– Мне мама тоже говорит, что Бог на небе. – Кивнула девочка. – Но чайке ведь, наверно, видней? Она – птица, летает высоко, все видит...

...В палату заглянула медсестра, тронула Таню за плечо:

– Вам пора уходить.

– Юля, – заторопилась Садовникова, – можно мне прийти к тебе еще раз? Когда-нибудь?

– Можно, – улыбнулась девочка. И озорно добавила: – Ты, кстати, ужасно на мою чайку похожа. Если бы она в человека превратилась.

А Тане вдруг показалось: ее жизнь (прежде Садовникова самонадеянно полагала, что управляет собственным бытием сама) стремительно катится по *кем-то* заданной канве. Но кто дергает за веревочки? Тибетец Цирин? Нефритовая чайка? Или – Бог, живущий на высокой горе?..

...Едва Таня вышла с территории больницы, затрещонил ее мобильник.

– Татьяна Валерьевна Садовникова? – официально поинтересовался женский голос в трубке.

– Да, это я.

– Вас беспокоят из корпорации «Живая вода».

Сердце радостно трепыхнулось. «Живая вода» – крупнейший международный концерн! У него даже есть собственное могучее рекламное агентство. Она вовсе бы не отказалась получить в нем должность!

– Я вас внимательно слушаю, – подобралась Татьяна.

– Вы можете завтра к двенадцати подъехать в наш московский офис? Кремлевская набережная, двадцать два. Обязательно с паспортом.

– Да, хорошо. А куда там? В отдел кадров?

– Н-нет, – слегка стушевалась женщина. – Подходите в конференц-зал. Шестой этаж. Пропуск вам закажут.

– Обязательно буду. – Таня нажала на «отбой».

Задумалась. Она, конечно, уже успела пустить слух, что ищет работу. И московское представительство «Живой воды», безусловно, могло заинтересоваться ее кандидатурой. Но при чем здесь конференц-зал? Вопросы трудоустройства всегда через кадровые агентства решаются. И если дело доходит до собеседования, паспорт как раз не обязателен – ее, Садовникову, и без того все рекламное сообщество знает. Нужны дипломы, портфолио – но об этом даже не заикнулись.

Толком поломать голову над загадкой Таня не успела – телефон зазвонил снова. И номер – опять незнакомый.

– Татьяна Валерьевна Садовникова? – поинтересовался уже другой, но тоже очень официальный женский голос.

Таня не удержалась, фыркнула и тут же извинилась:

– Простите. Да, это я.

– Вы можете завтра, к пятнадцати ноль-ноль, подъехать в Департамент общественных связей московской мэрии?

В то же самое время

Он не любил риска и в быту слыл человеком осторожным (дочка даже смеялась, что папа – трусишка). Машину водил подчеркнуто аккуратно, боялся высоты, огня, молний, толпы.

Но по профессии он был врачом – и поэтому рисковать ему приходилось. Привык и смирился. В операционной умел принять любое, если нужно, нетривиальное решение и взять всю ответственность на себя.

Но когда его назначили лететь за донорским костным мозгом для Юлечки Ларионовой, доктор откровенно расстроился. Однако увильнуть не получилось: другие врачи уже по много раз работали курьерами. К тому же японская виза оказалась только у него.

Рано утром доктор вылетел в Токио. В Японии шел вечер того же дня. На десять ноль-ноль на завтра была назначена операция по изъятию части костного мозга у безвозмездного донора. Задачей курьера являлось: получить в клинике биоматериал и как можно скорее доставить его в Москву. Для Юлечки.

В распоряжении врача были максимум сутки – дольше, хоть ты самый современный контейнер используй, сохранить костный мозг в безопасности невозможно. И организовывай несчастные двадцать четыре часа, как знаешь. Уместить в них: длительный перелет туда-обратно, неизбежные задержки в клинике и в аэропорту, волокиту на таможне, пробки – неизвестно, где еще хлеще, в Японии или у нас.

Будь в его распоряжении много денег, получилось бы куда легче. Можно купить билет бизнес-класса и не волноваться, что задержали вылет или ты сам, не дай бог, вдруг опоздал на рейс. Тебе лишь улыбнутся и немедленно пересадят на ближайший удобный самолет.

Но, увы. Родители юной пациентки, Юлечки Ларионовой, зарабатывали тысячу долларов в месяц на двоих, поэтому деньги на подбор неродственного донора и транспортировку его костного мозга в Россию собирали всем миром.

И чтоб не разбазаривать средства, собранные буквально по копейке, билет себе доктор купил класса экономического, по самому дешевому – невозвратному – тарифу. И на гостиницу тратиться не стал – договорился в японской клинике, что, когда прилетит, позволят ему прикорнуть на несколько часов в подсобном помещении.

Клиника, увы, – опять из-за безденежья! – располагалась не в самом Токио (месте дорогом!), а в пригороде, два часа езды. От мысли, что придется брать напрокат *праворульную машину* и катить по чужой стране, доктора бросало в жар.

Японские коллеги, правда, пообещали, что из клиники – уже с грузом! – в аэропорт его доставят на «Скорой помощи», но врач все равно переживал: вдруг что-то не сложится? Проккол может случиться на любом этапе: задерживается назначенная на десять ноль-ноль операция по изъятию костного мозга. Возникают проблемы с контейнером для перевозки. На трассе встает безнадежная даже для машины с мигалкой-сиреной пробка. Начинается волокита на таможне – чиновники в любой стране мира почему-то страшно пугаются слов «трансплантация», «биоматериал». Сразу начинают подозревать тебя в расчленении свежих трупов и еще черт знает в каких грехах.

В сравнении со всеми *возможными* бедами его собственный панический страх летать был мелочью!..

– Я очень жду вас, доктор, – улыбнулась ему на прощание смертельно бледная пациентка Юлечка. – Возвращайтесь скорей и привезите мне волшебное лекарство!

Разве мог он ее подвести?

...К счастью, японские коллеги оказались людьми ответственными. Операция по изъятию костного мозга у донора началась точно в назначенное время, контейнер явился мгновенно, пробки «Скорая помощь» объехала умело.

Когда прибыли в аэропорт, водитель резюмировал:

– За полтора часа до вылета! Неплохой результат.

И гордо улыбнулся.

Доктор горячо пожал ему руку и поспешил на посадку.

«Delayed»², – тревожно мерцали красные буквы напротив номера его рейса.

Врач бросился к стойке регистрации – никого. Поспешил в справочную.

– Рейс отложен в связи с погодными условиями, сэр, – ослепительно улыбнулась ему потрясающе красивая японка.

Сердце оборвалось:

– На сколько?

– Пока на пять часов.

Он отчаянно взглянул на ярко-синее небо. Девушка за стойкой перехватила его взгляд:

– Хорошая погода обманчива. Надвигается смерч, очень сильный. Наши прогнозы погоды безошибочны, сэр.

– Но самолеты ведь вылетают!

– Только те, чей вылет в пределах тридцати минут. В дальнейшем аэропорт будет закрыт.

Доктор с потерянным лицом отошел от стойки.

Три часа дня. Выпустят борт в лучшем случае в девять. Прилет – еще через двенадцать часов. В Москве будет вечер, самый час пик, и плевать уставшим водителям на грозные завывания «Скорой». Он может не успеть, и тогда все. Другого случая получить «волшебное лекарство» у девочки Юли не появится.

Попытаться попасть на любой самолет, что взлетит из аэропорта Токио в ближайшие полчаса? Но регистрация на них уже закончена, а ему еще не только менять билет, но и таможенные формальности проходить.

И тогда доктор – в общении с людьми всегда нерешительный, робкий – направился в представительство авиакомпании.

Приняли его там вежливо, но лишь руками развели: «Японцы разрешения на вылет не дают, что мы можем сделать?»

– Я хочу поговорить с командиром корабля, – упрямо произнес врач.

Пожилый пилот тоже вышел к нему. Внимательно его выслушал. Тяжело вздохнул:

– Пройдемте к окну.

За кромкой ярко-синего неба явственно углядывалась темно-серая, почти черная туча.

– Будь я один, несомненно, рискнул бы, – твердо произнес летчик. – Но ставить под удар три сотни пассажиров не могу.

– Что значит «не могу»? – тут же прицепился к его словам врач. – Кто принимает решение о вылете? Руководство аэропорта или все-таки лично вы?!

Пилот слегка смутился:

– Ну... в некоторых случаях... руководство аэропорта нам разрешает брать ответственность на себя.

– И вы отказываетесь от такой возможности? – потрясенно произнес врач. – Не хотите помочь ребенку, которому больше ничто не поможет?!

– Да, не хочу, – твердо отозвался летчик. – Потому что я могу спасти вашу пациентку. А могу – погубить и ее, и остальных пассажиров. В том числе и вас.

– Вы понимаете, что ей только шесть лет! – начал горячиться врач. – И она – из-за вашей трусости! – никогда не встанет с больничной койки!

– Поймите, да здесь не в трусости дело, – попытался объяснить пилот.

Но врач еще больше повысил голос:

² Задерживается (англ.).

– К Юленьке – во сне – уже много ночей подряд прилетает белая чайка. Птица учит ее: не сдаваться. Быть сильной. И обещает девочке, что мы – взрослые, здоровые, сильные люди – ей поможем. А вы – с легкостью неопишуемой выносите ребенку смертный приговор!

Летчик мрачно молчал.

Из-за приоткрытого окна, возле которого они стояли, донесся громкий писк.

Врач не поверил своим глазам: точно ему в лицо мчалась большая белая птица. Она неслась стремительно и, казалось, сейчас ударит в стекло.

Мужчины инстинктивно отпрянули. Птица вновь издала гортанный звук. Сделала резкий пируэт. И исчезла.

– Я никогда не видел здесь чаек, – потрясенно молвил летчик.

– Возможно, никакой чайки и *не было*. Ни у Юлечки, ни у нас, – хладнокровно произнес врач. – Нам с вами показалось.

– Дьявол! – раздраженно рявкнул пилот.

– Извините, что отнял ваше время, – отвернулся от него доктор.

Но летчик уже не обращал на него внимания. Он достал рацию и громко выкрикнул в нее:

– Внимание, всем! Я меняю свое решение. Немедленно объявляйте посадку!

* * *

Офис, где располагалась корпорация «Живая вода», Татьяну впечатлил. Самый центр, стильное здание, вид на Москва-реку и Кремль и даже – большая в столице редкость – собственная парковка. Впрочем, туда Садовникову не пустили.

– Только для сотрудников, – буркнул охранник.

И от денег отказался, вздохнул:

– Не могу. Видеоконтроль у нас.

Пришлось еще минут двадцать колесить по переулкам-дворам, а потом волочить на себе тяжелую папку – Таня на всякий случай взяла свое портфолио. Она очень надеялась, что речь в корпорации «Живая вода» все же пойдет о ее работе.

Однако разговор у входа в конференц-зал получился чрезвычайно странный.

Встретила Таню длинноногая мамзель в майке с логотипом корпорации. Окинула с головы до ног неприязненным взглядом, явно в уме пересчитала стоимость Таниных одежек, насупилась. Сухо молвила:

– Паспорт ваш давайте.

Татьяна протянула документ.

Девушка тщательно его изучила. Поинтересовалась:

– Где вы работаете?

– В настоящий момент нигде.

– Хорошо, – кивнула та.

Далее последовало еще более удивительное требование:

– Вот вам бумага. Напишите вашим обычным почерком пару строк. Что хотите. Например, свою фамилию, имя, отчество.

– А пин-код от кредитки не надо? – съязвила Татьяна.

Но девушка невозмутимо отозвалась:

– Цифры не подойдут. Только текст.

Сюрреализм какой-то. Что ж, зато будет о чем вечером в блоге поведать.

– *Красив ваш офис, но уж больно не приветлив*, – нацарапала Садовникова.

Девушка приняла бумагу. Губы теперь не просто поджаты – в ниточку стянуты. Одни глаза продолжают вымученно улыбаться.

Внимательно – со стороны казалось, будто по слогам! – она прочитала Танину записку. Сверилась с айпадом. Кислым тоном велела:

– Теперь проходите.

М-да, в конференц-залах речей о серьезной работе не поведут никогда. Куда же она попала?! Может, названием известной корпорации только прикрываются? А на самом деле ее на презентацию сетевого маркетинга заманили? Будут сейчас уговаривать купить косметики на тридцать тысяч и заработать в самой ближайшей перспективе миллион?..

Садовникова прошла. Увидела, что за народ сидит в зале, и встревожилась еще больше. Нарядно, но без большого вкуса одетые дамы, подростки, старушки. Очень похоже на публику, что на телевизионных ток-шоу зрителей изображает. И сто процентов: никто из них к рекламе отношения не имеет.

Она под села к двум женщинам, но спросить, что здесь затевается, не успела. Оглушительно затрубили магнитофонные фанфары. На сцене вспыхнул свет, появился ведущий в ослепительно-люрексных одеждах и торжественно объявил:

– Итак, мы начинаем финал нашего замечательного конкурса-а-а!

И только тут Таня вспомнила.

... Пару месяцев назад после работы, и как всегда, без сил, она забежала в супермаркет. Думала купить себе на ужин что-нибудь правильное – но в итоге набрала полную тележку колбас, пирожных, корейской морковки и даже – крайняя степень падения! – кукурузных палочек в сахарной пудре.

Пока стояла в кассу, предвкушала, как набросится сейчас на любимую сырокопчененькую с мелким жирком, закусит теплой чабаттой, отлакирует острым маринованным патисончиком. Но едва оплатила покупки, наступило раскаяние. Таня медленно катила забитую пакетами тележку и страдала: «Что я делаю? Время – десять вечера, а я собралась себе в желудок минимум тысячу килокалорий накидать!» Хоть выбрасывай все вредное и беги обратно в магазин – за зеленым салатиком и сыром пониженной жирности. Может, так и поступить, проявить силу воли?

Она еще больше замедлила шаг.

Тут к ней и подскочил молодой человек в футболке с логотипом корпорации «Живая вода». Жизнерадостно начал:

– Добрый вечер! Приглашаю вас принять участие в конкурсе!

В глазах его, впрочем, читалось: «И эта меня пошлет. До чего надоело все!!!»

Таня знала, что за адская работа у промоутеров, и старалась их не обижать. Но сегодня она сама очень устала после жутко сложного рабочего дня. Потому буркнула:

– Слушай, отстань, а?

– Зря отказываетесь. Гарантированные призы. Честный конкурс. Солидная компания, – грустно молвил парень.

Тысячу раз слышала она подобные штампы. А некоторые из них, честно сказать, даже сама использовала. Но, может быть, если чуть задержаться, поговорить с промоутером и тем временем перебить аппетит – чувство голода ослабеет?

Таня отщипнула кусочек чабатты и принялась – очень медленно – жевать. А парня спросила с иронией в голосе:

– Что там у вас за призы? Бокалы с логотипом фирмы?

– Что вы, – чуть воспрянул он, – гораздо круче! Айпады, сиди-проигрыватели, телевизоры. А победитель получает кругосветное путешествие на двоих. Представляете?

– Еще смешней.

– Призы гарантированные! – с жаром возразил он. – «Живая вода» – компания с мировым именем, они не обманут!

– Ага. Только не рассказывай мне, как все будет. Номинал у кругосветного круиза – тысяча семьдесят долларов, не меньше! Неплохая наживка для призоловов. Или, по-научному, промохантеров. Им главный приз и достанется, – просветила Татьяна парнишку.

– Я даже слов таких не знаю. – Он озадаченно уставился на нее.

– Обычное дело, когда проводят рекламные розыгрыши, – Таня продолжала по крошечному кусочку отщипывать чабатту, и чувство голода вроде потихоньку отступало. – Всякая мелочь – магниты, брелки – действительно достается рядовым покупателям. Но за серьезными призами – охоту ведут серьезные люди. Те самые призолы. Они работают профессионально, отлаженно. Надо, допустим, для победы как можно больше промокодов зарегистрировать в Интернете – пишут специальную пиратскую программу, отправляют их – не десятками или сотнями, а десятками, сотнями *тысяч*.

– Но в нашей акции никаких кодов не надо! – горячо произнес парнишка. – «Живая вода» просит четверостишие про свою воду написать. Ну какая она замечательная.

– Еще смешней, – пригвоздила Татьяна. Дожевала булочку, объяснила: – Стишки выложат в Сеть и попросят за них голосовать, верно?

Парень хотел что-то сказать, но она перебила:

– Для призоловов задача совершенно элементарная. Даже статистика имеется. Просто за хороший стих – обычно пара тысяч голосов, а профессионалы за свой – триста тысяч собирают. Автобот запускают – он и работает. Голосует.

– Нет, – решительно замотал головой парень, – здесь написано – победителя определит компетентное жюри.

– Которое, конечно, тоже выберет своих, – пожала плечами Татьяна.

Он взглянул на нее ясными глазами. Произнес с уважением:

– Вы такая умная.

Улыбнуться в ответ Таня не успела – промоутер быстро добавил:

– И такая вредная! Что вам, жалко, что ли? Я тут целый день на ногах. Норма – сто стишков за смену собрать, а никто их писать не хочет!!!

– Вот ты настырный, – вздохнула Татьяна.

Но голод-то зверский – почти отступил! Еще пара кусочков чабатты, и она придет домой совершенно сытой. Спокойно закинет вредные продукты в холодильник и сразу отправится спать.

– Ладно, напишу я стишок, – милостиво молвила Садовникова. – Подумаешь, проблема.

Парень поспешно протянул ей ярко оформленный листок с местом для текста:

– Вот. Тема: про искрометную силу воды.

– Какую?!!

– Искрометную. Тут так написано.

– Рекламное агентство нужно этой «Живой воде» менять, – проворчала Татьяна.

Вытащила ручку, с минуту подумала и быстро набросала две строчки:

– Гасит пламя, поит воздух влагой,
Вкусно пахнет трава под дождем...

Промоутер заглянул ей через плечо, прокомментировал:

– Как-то слишком сложно.

Она метнула на него сердитый взгляд (вдохновение нарушил!) – и решительно закончила как можно проще:

– К черту водку и ром из Сантьяго!
Когда жарко – водички попьем!

– Во, теперь нормально! – авторитетно заявил парень. – Путешествия не обещаю, но телевизор нюхом чую. А средний приз – бокалы – могу практически гарантировать.

– Нужны они мне сто лет! – усмехнулась она.

Вручила листочек промоутеру и тут же забыла о глупом конкурсе.

Не ради победы старалась – с аппетитом боролась.

...Но, похоже, раз ее пригласили в центральный офис, – речь не о бокалах пойдет.

И действительно, ведущий торжественно заявил:

– Я рад вас приветствовать, дорогие финалисты конкурса! И хочу сообщить вам целых три хороших новости. Первая: вы – все сто человек, что собрались здесь, – уже стали владельцами годового запаса воды, произведенной нашей компание-е-ей!!!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.